

ФУКУДЗАВА ЮКИТИ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ЦИВИЛИЗАЦИИ

Перевод с японского
Евгения Кручины
выполнен по стр. 9-56 издания

文明論之概略

福沢諭吉著
松沢弘陽校注

岩波書店
岩波文庫
33-102-1
2003年4月5日
第13刷発行

ФУКУДЗАВА ЮКИТИ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ЦИВИЛИЗАЦИИ

От автора

Говоря о цивилизации, имеют в виду развитие человеческого духа. Нет, не в смысле духовного развития отдельного человека - речь идет о духовном развитии того единого целого, которое складывается из духовной эволюции людей, составляющих народ. Поэтому можно сказать, что теория цивилизации суть теория развития общественного духа всего народа.

В человеческом обществе нередко случается так, что люди, занятые своими сиюминутными выгодами и потерями, видят мир в ложном свете. Обычаи и привычки со временем сглаживают разницу между естественным и искусственным, и то, что нам представляется природным, нередко на самом деле создано обычаями. И наоборот: то, что мы полагаем искусственным, в действительности часто оказывается естественным. Поэтому можно сказать, что теория цивилизации является сложной еще и потому, что ей приходится искать правильность среди беспорядка.

Современная западная цивилизация имеет длительную историю: только от падения Рима до настоящего времени прошло более тысячи лет, а истоки западной культуры еще более глубоки. Но и со времени основания Японии прошло уже 2500 лет. Уникальная японская цивилизация достигла нынешнего состояния своим естественным путем. Достаточно сопоставить ее с западной цивилизацией, чтобы стало ясно, что японская цивилизация занимает совершенно особое место. Простые японцы впервые узнали о существовании Запада и, следовательно, смогли сравнить между собой эти две цивилизации и увидеть их колоссальные различия только после прибытия в Японию в годы Каэй¹ американцев и заключения торговых договоров с западными странами. Эти различия не просто поразили людей – они буквально потрясли общество. Безусловно, на протяжении 2500 лет наше общество испытало немало взлетов и падений, периодов расцвета и упадка, которые не могли не поражать человеческое воображение. Однако безусловно и то, что внешние сношения последнего времени стали самыми важными событиями с тех пор, как в глубокой древности из Китая нам были переданы буддизм и конфуцианское учение. К тому же и конфуцианство, и буддизм возникли в Азии, эти учения отличались от привычных для нас доктрин только в количественном плане, и потому соприкосновение с ними не вызвало у японцев значительных трудностей. Можно даже сказать, что эти учения не были для нас чем-то совершенно новым. Совсем иное дело – недавно установленные контакты Японии с внешним миром. В последнее время мы соприкоснулись с совершенно особыми, непохожими на другие явлениями, которые возникли в иных географических районах и состоят из иных культурных элементов, проходивших иные стадии и достигших иных ступеней в своем развитии. Для нашего народа эти явления не просто новые или редкостные – нет, мы вообще никогда не видели всего этого и даже не подозревали о существовании подобных диковин. Такое соприкосновение можно уподобить погружению пылающего огня в ледяную воду – оно не просто всколыхнуло души людей, но вызвало великое смятение, потрясшее их до глубины естества.

Следствием такого возмущения общественных настроений стала произошедшая несколько лет назад в Японии полная перемена системы правления, за которой последовали роспуск кланов и создание префектур. Такова ситуация на сегодняшний день, однако ясно, что и за дальнейшими переменами дело не станет. Конечно, от вооруженных выступлений, имевших место всего несколько лет назад, уже не осталось и следа, но возмущения в общественных настроениях по-прежнему день ото дня нарастают и множатся. Именно эти

возмущения и становятся той силой, которая движет весь наш народ к цивилизованности. Мы не удовлетворены нашей японской цивилизацией и с энтузиазмом воспринимаем цивилизацию Запада. Сейчас настоящий момент мы должны стремиться к тому, чтобы в конечном итоге поднять нашу цивилизацию вровень с западной, а, может быть, даже превзойти последнюю. Однако западная цивилизация сегодня тоже находится в постоянном движении, она с каждым днем и с каждым месяцем продвигается вперед, и нашему обществу придется прилагать все усилия для того, чтобы идти вперед вместе с Западом. Иного нам не дано. Приход американцев в Японию в годы Каэй высек огонь в душах наших людей, и нельзя допустить, чтобы этот огонь, единожды вспыхнув, навсегда погас.

Итак, все началось с брожения в душах людей, которое создало в нашем обществе совершенно невообразимую сумятицу. Надо сказать, что в этих условиях построение логически стройной теории цивилизации оказалось для наших ученых огромной и крайне сложной задачей. Конечно, над этими проблемами работают и западные ученые, которые изобретают все новые и новые теории, нередко просто поражающие воображение людей своей новизной. Однако в действительности ученые Запада всего лишь неустанно гранят и шлифуют остатки того, что было им передано предшественниками за тысячу с лишним лет европейской истории. И хотя их теории и кажутся новыми, все они, по существу, восходят к одним и тем же первоисточникам и на деле новыми не являются.

Совершенно иное положение с исследованиями сложилось сейчас в нашей стране. Сегодня наша цивилизация претерпевает метаморфозы, которые можно сравнить лишь с превращением огня в воду или с переходом от небытия к бытию. Такие перемены недостаточно назвать просто резкими или прогрессивными; скорее здесь будут уместно такое слово, как «первотворение». В этих условиях исключительно трудно обсуждать даже самые общие темы.

Безусловно, наши ученые справятся и с этими трудностями. Но я хотел сказать о другом - о том, что сегодня нам выпал исключительно благоприятный случай. С открытием наших портов для иностранцев японские исследователи начали усердно изучать западные науки. И хотя пока результаты этих исследований являются грубыми и ограниченными, все же можно сказать, что нашим ученым удалось по изученным фрагментам получить некоторое, пусть смутное, представление о западной цивилизации. С другой стороны, всего двадцать лет назад эти же ученые были всецело погружены в изучение только своей, чисто японской цивилизации, и не просто наблюдали за ее проявлениями, но и действовали в соответствии с ее законами. Это не только дает им возможность редко ошибаться в оценках прошлого своей цивилизации, но и использовать собственный опыт для освещения цивилизации западной. Западные ученые строят умозаключения о положении дел в других странах, находясь внутри своей, уже сложившейся цивилизации. В противоположность этому нам, японским ученым, сегодня представилась счастливая возможность использовать в наших исследованиях более надежный личный опыт. С уходом из жизни нынешнего поколения такая возможность никогда более не повторится - и потому для нас особенно важно использовать этот шанс.

Ведь все мы, хотя и считаемся ныне японскими учеными западного толка, всего лишь несколько лет назад изучали китайскую классику, были буддистами и синтоистами. Все мы - если не выходцы из феодальных самурайских семей, то просто люди, жившие при феодализме. Можно сказать, что в каждом из нас скрыт не один, а два человека, что каждый проживает не одну, а две жизни. Чем-то это напоминает буддийское перерождение, при котором сохраняется память о прошлом существовании. И мы должны использовать опыт сопоставления этих двух неразрывно связанных жизней для освещения светлых и теневых сторон западной цивилизации. В этой работе важно быть объективным и основательным. Вот почему я при изложении неясных положений

западной науки взял на себя смелость не излагать все то мелкое и незначительное, что содержится в европейских книгах, и решил не переводить произведения западных авторов, а приводить только основные положения этих произведений применительно к японской действительности. Мое скромное желание - воспользоваться благоприятной возможностью и рассказать потомкам о существующих сегодня точках зрения с тем, чтобы эти воззрения остались в их памяти и нашли свое место в заметках и примечаниях к работам будущих исследователей. Должен сразу признаться, что мой неумелый труд изобилует ошибками. Надеюсь, что в дальнейшем ученые расширят эти исследования, предпримут дальнейшее изучение западных источников и детальный анализ положения в Японии, расширят свое видение проблем, проведут более углубленные дискуссии и смогут в конце концов построить по-настоящему полную теорию цивилизации, что позволит обновить облик Японии. Да и я сам еще не настолько стар, чтобы оставить надежду на то, что в один прекрасный день я буду иметь удовольствие продолжить начатые исследования и внести свой новый вклад в это большое общее дело.

Приводя точные цитаты из произведений западных авторов или давая переводы отрывков из их произведений, я считал необходимым явно указывать на авторство и на литературные источники. Однако в тех случаях, когда излагалась только общая идея произведения либо оно использовалось как справочный материал, позволявший прояснить суть дела, я счел постоянные ссылки на первоисточники излишними.

Подобный подход можно сравнить с усвоением пищи: она тоже привносится в мое тело извне, но затем переваривается и становится неотъемлемой частью этого тела. Читателю лишь важно запомнить, что если в тексте хотя бы изредка встречаются здравые мысли, то принадлежат они не мне – это просто усвоенная духовная пища оказалась качественной.

Работая над данной книгой, я часто консультировался с коллегами и друзьями и учитывал их пожелания. Их комментарии к прочитанному также оказались очень полезны. Особая моя благодарность – Обата Токудзиро, которого я попросил взять на себя труд прочитать и проверить готовую рукопись. В результате его правки ценность многих излагаемых в книге положений заметно возросла.

*Фукудзава Юкити
25 марта 8-го года Мэйдзи (1875 г.)*

КНИГА I

ГЛАВА 1. ФУНДАМЕНТ ДЛЯ ПОЛЕМИКИ

Легкое и тяжелое, длинное и короткое, добро и зло, «да» и «нет» - все эти понятия взаимно соотносятся. Без легкого нет тяжелого, без добра не бывает зла. Легкое является легким только по отношению к тяжелому, добро суть добро лишь в сравнении со злом. Без признания их взаимной соотнесенности вообще нельзя вести речь о легком и тяжелом, о добре и зле. В основе всякой дискуссии должен лежать критерий, определяющий меру тяжести или меру добра.

«Живот спины дороже», - гласит пословица. Говорят также, что нужно жертвовать малым в угоду большому. Если говорить о человеческом теле, то для человека живот важнее спины, и потому в бою нужно всеми силами защищать живот, не считаясь с тем, что противник может поранить спину. Если, например, речь идет о фауне, то журавли стоят выше рыб-вьюнов хотя бы потому, что последние идут на корм первым. Или рассмотрим, например, переход Японии из эпохи феодализма с ее праздными самураями и *даймё*ⁱⁱ, которых приходилось кормить и одевать, к нынешней, реформированной системе. Обычно говорят, что этот переход состоял в том, что имущие классы, неумело владевшие своим богатством, были сброшены для того, чтобы покончить с бедами неимущих. Однако если рассматривать эти события с точки зрения противопоставления Японии и отдельных самурайских кланов, то Японию можно уподобить чему-то тяжелому и главному, а кланы – легкому и второстепенному. Тогда роспуск кланов можно понимать как готовность подставить под удар спину, но сохранить живот, а лишение *даймё* и самураев рисового пайка есть не что иное, как решение убить вьюна, чтобы накормить журавля.

Для того, чтобы глубоко исследовать природу вещей, нужно пренебрегать несущественным и доходить до основ, то есть обращаться к первопринципам. Равным образом, в дискуссии также нужно, пренебрегая несущественными пунктами, шаг за шагом продвигаться к основным, наиболее твердо определенным положениям. Так, Ньютон первым открыл принцип, лежащий в основе действия сил притяжения: если тело движется, то оно и далее будет безостановочно двигаться; если же тело покоится, то оно и впредь будет находиться в состоянии покоя. Открытие этого основополагающего закона сразу объяснило принципы движения бесчисленного множества тел, заполняющих Вселенную, ибо оказалось, что все они подчиняются этим раз и навсегда установленным правилам.

Подобные законы можно назвать основами истины - и если бы, например, для движения такого закона не существовало, то прения по поводу природы движения могли бы продолжаться до бесконечности. Так, движение судов описывалось бы одними законами, движение повозок – другими, и в результате число правил, необходимых для описания движения тех или иных объектов, все возрастало бы и возрастало, их нельзя было бы свести к одному основополагающему закону. В отсутствие же такого закона вообще нельзя было бы судить о движении тел хоть с какой-нибудь степенью достоверности.

Таким образом, не оговорив прежде основополагающие понятия полемики, нельзя вести речь о том, какие достоинства и недостатки имеет тот или иной предмет, какие у него плюсы и минусы. То, что идет на пользу воинам, защищающим крепость, наносит вред тем, кто пытается взять ее штурмом; то, что удобно наступающему, мешает обороняющемуся - и, наконец, победа одного всегда есть поражение другого. Поэтому прежде, чем говорить о плюсах и минусах того или иного явления, нужно установить его основные понятия и определить свою позицию: где вы – на стороне защитников или на стороне атакующих, на стороне «своих» или на стороне противника.

И прошлое, и настоящее дают нам множество примеров расхождений во мнениях. При анализе таких случаев следует обращаться к фундаментальным положениям, на которых основаны позиции дискутирующих - и тогда обычно оказывается, что конечные расхождения связаны с тем, что взгляды спорящих на предмет дискуссии с самого начала были прямо противоположными.

Так, например, выводы синтоистов всегда противоречат взглядам буддистов – и это притом, что доводы и тех, и других представляются вполне резонными. Однако достаточно обратиться к основам этих учений, чтобы выяснить, что между ними существует фундаментальное различие: синто говорит о превратностях судьбы в настоящем, тогда как буддизм обещает счастье в будущем. Точно так же, по множеству позиций расходятся между собой адепты конфуцианского учения и сторонники национальной японской науки, однако самое фундаментальное различие между ними состоит в следующем: конфуцианцы считают, что Чэн Тан и У-ван были правы, когда свергали тиранов,ⁱⁱⁱ а представители «японской науки» ставят во главу угла непрерывность японской императорской династии во многих поколениях.¹ Причем эта проблема – фактически единственное, что заботит наших конфуцианцев, а между тем они не проводят и дня без споров с синтоистами и буддистами, причем по сути своей эти бесконечные прения сильно напоминают споры между самураями о том, что в бою лучше – лук и стрелы или меч и пика. Единственный способ примирить спорящих в таком случае – предложить новый, еще более продвинутый и утонченный подход с тем, чтобы люди сами составили суждение о преимуществах и недостатках старого и нового методов. Так, споры приверженцев лука и стрел, меча и пики когда-то были весьма шумными, но после появления огнестрельного оружия эта тема в широких кругах уже не обсуждается...

Анализируя мнения людей, нередко можно обнаружить, что их конечные выводы являются удивительно схожими несмотря на то, что эти люди исповедуют различные в своей основе взгляды. Однако по мере продвижения к фундаментальным понятиям позиции противников могут становиться все более различными. Так, в частности, мнения спорящих могут быть схожими в толковании пользы и вреда некоего предмета или явления, но они будут все больше различаться по мере удаления от сферы действия понятий «полезно» и «вредно». Известно, например, что «твердоголовые» самураи ненавидят иноземцев. С другой стороны, и среди людей ученого склада встречаются люди с ограниченным кругозором, которые также не в восторге от поведения и манер иностранцев. Таким образом, в своем неприятии иностранцев эти ученые ничем не отличаются от «твердоголовых» самураев. Иными словами, взгляды двух групп по существу совпадают. Однако если сделать следующий шаг в анализе их воззрений и повести речь о причинах, порождающих такое недовольство, то здесь сразу выявятся расхождения. Первая группа просто считает иноземцев существами иного рода и ненавидит их только за то, что они есть, вне зависимости от того, хорошо или дурно они поступают. Вторая же группа, обладающая чуть более широким кругозором, не может недолюбливать иностранцев просто потому, что они есть, но полагает, что сношения с

---

¹ Служители синто скажут вам, что, поскольку в синто есть погребальные церемонии, то оно тоже имеет дело с будущим. Равным образом и буддийские монахи нередко подчеркивают, что, например, в учении школ, почитающих Сутру Лотоса, люди творят молитвы, взывая к воле божьей, и потому буддизм также придает большое значение судьбе человека в его нынешней жизни. Иными словами, буддисты уже давным-давно перемешались с синтоистами в том смысле, что буддийские монахи внешне ведут себя как последователи синто, а синтоисты сильно напоминают буддийских бонз. Однако если обратиться к основополагающим тезисам двух учений, то станет ясно, что традиционное восприятие, сложившееся за тысячи лет сосуществования буддизма и синтоизма, не отменяет главного: одно из этих учений имеет дело с настоящим, а другое – с будущим. – Прим. автора.

ними могут принести вред, и недовольна тем, что так называемые «цивилизованные» иностранцы поступают несправедливо по отношению к японцам. Таким образом, обе группы схожи между собой в своей нелюбви к иностранцам, однако причины такой нелюбви различны, и потому члены этих двух групп ведут себя по отношению к иностранцам неодинаково. Иными словами, сторонники «изгнания варваров» и сторонники открытия страны делают из своих воззрений одинаковые конечные выводы, однако пути, по которым они приходят к этим выводам, существенно различаются из-за того, что различны фундаментальные основания их взглядов.

Это неудивительно; ведь даже за игрой, «среди развлечений и забав, пиров и увеселений», когда люди просто приятно проводят время вместе, и то у каждого сказываются его склонности. Поэтому по единичному наблюдению за поведением человека нельзя поспешно судить о его мотивах.

Бывает, что, обсуждая преимущества и недостатки того или иного предмета, люди не могут сойти с тех крайних позиций, которые они занимали в начале прений, и потому не могут сблизить свои точки зрения. Приведу только один пример. Как только сегодня кто-нибудь начинает излагать современную теорию о равноправии людей, тут же находится человек старых правил, который, едва услышав, о чем идет речь, внезапно решает, что речь идет о том, как изменится государственный строй в Японии, если перейти к федеративному устройству страны. А вслед за этим он пускается в рассуждения о том, какие несчастья это принесет, и вообще выглядит столь обеспокоенным и напуганным, как будто Япония уже сейчас впала в великую смуту и осталась без государя и без правительства. Иными словами, такой человек уже в самом начале прений в красках представляет себе самые отдаленные последствия подобного решения, и потому с порога отмечает идею равенства прав, нимало не интересуясь тем, что в действительности представляет собой эта идея или хотя бы в чем состоит ее основной смысл. Проповедник же новой идеи тоже с самого начала видит в консерваторе едва ли не своего личного врага и столь же необоснованно отбрасывает его старые теории. В результате полемика превращается в яростную битву непримиримых противников, которые изначально настроены на невозможность достижения согласия. А возникает такое противостояние, в конечном итоге, потому, что стороны с самого начала заняли самые крайние позиции...

Приведу еще один пример. Пусть есть два человека, один из них - пьяница, а другой – трезвенник. Пусть пьянице не нравятся рисовые лепешки *моти*, а трезвеннику – рисовое вино *сакэ*. Каждый из них равным образом убежден в том, что продукт, который ему не по вкусу, приносит человеку вред и потому должен быть запрещен. Трезвенник, опровергая взгляды пьяницы, будет говорить, что ставить под вопрос пользу *моти* – это все равно, что нарушать традицию подавать к новогоднему столу блюдо под названием *отядзукэ*^v – а этой традиции наша страна придерживается уже несколько сот лет. Кроме того, запретить *моти* – это значит перестать возделывать рис, идущий на эти лепешки, и оставить по всей стране без работы множество людей, которые эти лепешки делают и продают. А этого, конечно, допустить нельзя. В свою очередь, пьяница, полемизируя с трезвенником, будет говорить, что запретить сегодня *сакэ* – значит завтра же закрыть все винные лавки по всей Японии, ни за что ни про что покарвав любителей выпить. Это значит также заменить во всех лекарствах спирт на сладенькое винцо, это значит заставить молодоженов на свадебной церемонии обмениваться чашками воды, а не чарками *сакэ* – чего, конечно же, допустить никак нельзя.

Подобная полярная разница во мнениях, не допускающая самой возможности сближения позиций, в конце концов, приводит к раздорам между людьми, и потому наносит огромный вред обществу в целом. Примеров тому и в старой, и в новой истории Японии можно отыскать немало. Хорошо еще, если такие нелады возникают между людьми образованными и благородными. Тогда они «разят» друг друга словом или кистью для

письма, рожают новые идеи, пишут новые книги – словом, пытаются изменить настроения в обществе с помощью неких абстрактных теорий. Но часто подобные распри начинаются между темными, необразованными людьми, которые не владеют словом и кистью и потому полагаются на грубую силу, доходя в своих действиях до покушений и убийств.

Когда люди обмениваются взаимными нападками, главная цель каждого из пикировщиков – нанести удар по наиболее слабому месту противника с тем, чтобы не дать ему показать себя, проявить свои лучшие качества. А ведь недостатки всегда сопровождают достоинства; как говорится, на каждый плюс всегда найдется свой минус. Так, например, сельские жители честны и прямодушны, но зато упрямы и глупы, тогда как горожане умны и сообразительны, но зато лицемерны и неискренни. Честность и ум – это замечательные человеческие добродетели, но их обычно сопровождают такие недостатки, как глупость и лицемерие. Нередко именно в этом коренятся причины споров, вспыхивающих между крестьянами и горожанами. В этих перебранках крестьяне постоянно поносят горожан, называя их хитрецами и лицемерами, а горожане честят крестьян как создания тупые и низкие. Иными словами, в таких обстоятельствах каждый смотрит на оппонента только одним глазом, замечая лишь уродливые черты противника и в упор не видя его достоинств. А если бы эти люди открыли оба глаза и одним разглядывали бы достоинства противника, а другим – его недостатки, то, может быть, эти недостатки и достоинства взаимно уравновесили бы друг друга, и прения закончились бы миром. А, может быть, достоинства вообще перевесили бы недостатки, и тогда противники не только прекратили бы свой спор, но и посмотрели бы друг на друга с приятнью – к взаимной пользе...

То же самое можно сказать и о среде ученых. В настоящее время всех японских полемистов можно разделить на две категории: консерваторов и реформаторов. Острые умом реформаторы хотят двигаться вперед, тогда как основательные и осторожные консерваторы настроены сохранять старое. Последние нередко впадают в упрямство, тогда как первые страдают опрометчивостью. Однако нет такого закона, по которому основательность должна непременно сопутствовать упрямству, как и нет такого правила, по которому острота ума обязательно влечет за собой легковесность в суждениях. В конце концов, среди людей всегда есть те, что пьют *сакэ* и не пьянеют или во множестве поедают *моти* безо всякого вреда для желудка. Причины опьянения и переедания – не в самих *сакэ* и *моти*, а исключительно в том, может ли человек умерять свои желания или нет. А если так, то и консерваторы не обязательно должны ненавидеть реформаторов, равно как и реформаторы не обязаны всегда с пренебрежением относиться к консерваторам.

Рассмотрим четыре человеческих черты: 1) честность, 2) твердость, 3) остроту ума и 4) легковесность суждений. Когда у человека честность сочетается с легковесностью, а твердость характера – с острым умом, то эти качества взаимно гасят друг друга. С другой стороны, честность и ясность ума как нельзя лучше подходят друг к другу и всегда образуют благоприятное сочетание. Обладая подобными качествами, можно не только выявлять истинную природу каждого из партнеров, но и ликвидировать взаимную антипатию.

Во времена феодализма в окружении каждого *даймё* существовали постоянные трения между теми вассалами, которые жили в особняках клана в Эдо^у и теми, кто обитал во владениях клана в провинции. Несмотря на то, что и те, и другие принадлежали к одному клану, они вели себя буквально как заклятые враги – и это тоже один из примеров того, как трудно бывает разглядеть подлинную сущность человека...

Подобные проблемы сами собой исчезают по мере развития человеческих знаний. Однако самый лучший способ избавления от таких пороков – наладить общение между людьми. Идет ли речь об общении между торговцами или в среде ученых, на веселой пирушке или на официальном приеме, в судебном заседании, в перебранке или даже в сражении – все равно. Если человек в контакте с другим человеком получает возможность через свои слова и дела показать, что у него на сердце, то это в любом случае умягчает нравы обоих оппонентов и позволяет каждому, что называется, обоими глазами взглянуть на партнера и разглядеть его достоинства. Вот почему знающие люди обращают сегодня особое внимание на необходимость создания всяческих народных собраний, дискуссионных клубов, улучшение дорог, обеспечение свободы публикаций и т.п. Все эти меры исключительно важны, ибо они способствуют общению людей.

В начале обсуждения любого вопроса люди никогда не высказывают совершенно одинаковых мнений. При этом если участники излагают свои воззрения в возвышенной и благородной манере, то и уровень дискуссии будет высок. Если же взгляды спорщиков являются поверхностными, то таковыми будут и прения: ведь мелкий человек с самого начала будет стремиться унижить оппонента, и в результате участники разойдутся во мнениях еще до того, как достигнут сути обсуждаемого вопроса. Пример: пусть господа А и В обсуждают преимущества и потери, которые сулит развитие отношений с иностранными государствами. При этом может случиться так, что взгляды А и В близки, и оба они выступают за открытие страны для иностранцев, но если А с самого начала вдруг начнет важно, чинно, в подробностях, да еще и «высоким штилем» излагать, как он видит эту проблему, то его аргументы просто не дойдут до слуха В, и потому стороны к согласию не придут. Может оказаться и так, что В - это рядовой человек, выражающий распространенные в обществе взгляды, и потому он просто не понимает изъясняющегося «высоким штилем» собеседника, ибо потерял нить дискуссии еще до того, как она достигла существа вопроса. Примеров подобного развития событий также существует немало. Такое положение дел можно уподобить заболеванию слабого желудком человека, который поглотил много деликатесов, но не сумел их переварить. На первый взгляд отсюда можно сделать вывод, что с простым народом вообще нельзя говорить о высоком, но это, конечно, далеко не так. Без обсуждения высоких материй нельзя поднять уровень тех, кто отстал в своем развитии. Если бояться давать больному человеку лакомства только потому, что у него слабый желудок, то больной, в конце концов, может вообще когда-нибудь не подняться с постели...

В истории человечества подобные заблуждения неоднократно приводили к самым печальным последствиям. Рассмотрим людей какой-либо конкретной эпохи. Среди них мало явных глупцов, но и гении встречаются исключительно редко. Большинство людей оказываются между этими двумя крайностями. Не имея ни проступков, ни заслуг перед обществом, они всю жизнь слепо плывут по течению жизни среди себе подобных, так называемых «простых» людей. Именно в их среде рождается то, что называется общественным мнением. Такие люди не оглядываются на прошлое, не стремятся заглянуть в будущее – они словно слились с обстоятельствами, сложившимися на данный момент, и просто им следуют.

Таких людей много и сегодня. Они шумны и крикливы. Они хотят вести дискуссии в стране только на базе собственных воззрений. Они называют все, что хоть на йоту выходит за установленные ими рамки, ересью и заблуждением. Иными словами, эти люди стремятся принудительно втиснуть общественные дискуссии в те пределы, которые они сами установили, а лучше – вообще выстроить все высказываемые мнения в одну шеренгу. Какую пользу получит Отечество, если события пойдут так, как хотят подобные «умники»? На кого можно положиться сегодня, когда мы смотрим в будущее и открываем двери для цивилизации? Эти вопросы слишком важны, чтобы о них не размышлять.

Оглянемся назад. С древних времен прогресс цивилизации поначалу воспринимается всеми как нечто еретическое и нелепое. Разве не объявляло всё общество нелепыми взгляды Адама Смита, когда он опубликовал свою экономическую теорию? Разве не был объявлен еретиком Галилео Галилей, когда он заявил, что Земля движется?

Однако с течением времени основная масса общества (понуждаемая знающими людьми, но не подозревающая об этом) постепенно усваивает эти «ошибочные» идеи. В результате при сегодняшнем уровне развития цивилизации даже школьники уже не видят ничего странного или удивительного в движении Земли или в экономических теориях Адама Смита. Более того, сегодня не только никто не сомневается в справедливости этих теорий – наоборот, всякий, кто посчитает их ошибочными, встретит в обществе заметное противодействие и будет объявлен глупцом.

Если обратиться к более близким примерам, то можно привести следующий. Еще каких-нибудь десять лет тому назад в Японии каждый из более чем 300 *даймё* единолично правил в своем княжестве, каждый имел право казнить и миловать, награждать и отнимать, исходя из своих собственных представлений о роли низших и высших, господина и слуги. Эта система казалась незыблемой и вечной, но, тем не менее, она в мгновение ока рухнула и была заменена нынешней системой. Сегодня никто в обществе этому уже не удивляется. Но что было бы, если бы лет десять назад в одном из княжеств нашелся человек, который предложил бы распустить кланы и создать на их месте префектуры? Стали бы в этом княжестве всерьез обсуждать такое предложение? Скорее всего, сама жизнь этого человека оказалась бы под угрозой...

Таким образом, идеи, которые в прошлом казались ошибочными, сегодня считаются общепринятыми; то, что вчера представлялось экстравагантной идеей, сегодня является общим местом светских бесед. Если ученые будут бояться громко заявлять о своих теориях, будут опасаться навлечь на себя обвинения в ошибках и ереси, то они никогда не смогут в полный голос выразить свои мысли. Точно так же, познакомившись с мнениями других людей (даже если их теории не соответствуют твоим собственным), следует решить, что из их тезисов можно сразу принять, а что нужно отложить до лучших времен и подождать, когда позиции сторон сблизятся. И, в конце концов, настанет такой день, что основные, базовые понятия дискуссии будут одинаково пониматься обеими сторонами. И при этом совсем не обязательно навязывать оппоненту свою точку зрения или пытаться навести всеобщее единообразие во мнениях...

Итак, как показано выше, для того, чтобы обсуждать преимущества и недостатки тех или иных вещей и явлений, необходимо, прежде всего, сформулировать основные понятия, связанные с этими преимуществами и недостатками, определить, что есть легкое и что есть тяжелое, что есть положительное и что есть отрицательное. Говорить о преимуществах и недостатках того или иного предмета или явления – легко. Куда труднее ясно сформулировать, что есть легкое и что есть тяжелое, что такое хорошо и что такое плохо. Если нечто принесло пользу одному человеку, то отсюда вовсе не следует, что оно будет полезно и для страны в целом. Строя планы на сотню лет вперед на основе анализа достижений и просчетов одного года, нельзя не ошибиться. Необходимо изучить древние и новые теории, быть осведомленным о положении дел в мире, ясно, непредубежденно и хладнокровно представлять себе, где именно кроется наивысшее благо. Нужно суметь преодолеть сотни и тысячи препятствий, разорвать путы общественного мнения и занять правильную позицию, с которой не только открывался бы вид на прошлое, но и можно было бы зорким оком бросить взгляд в будущее.

Я не ставлю здесь себе целью формулировать фундаментальные положения будущих теорий, не собираюсь рассказывать, как именно нужно их формулировать, равно как и не собираюсь призывать всех и каждого в Японии стать исключительно на мою точку зрения.

Вместо этого я хочу поставить перед каждым один простой вопрос. Хотим ли мы сегодня двигаться вперед или идти назад? Хотим ли продвигаться к цивилизации, или пятиться назад, к дикости и варварству? Мы должны выбрать только один из двух знаков, двух иероглифов: «вперед» или «вспять». Если в обществе есть желание идти вперед – тогда, может быть, моя точка зрения заслуживает внимания. Хочу только заметить, что сущность данной книги не в том, чтобы дать конкретные способы достижения указанных целей. В решении этой задачи я полагаюсь на изобретательность читателей.

ГЛАВА 2. НАША ЦЕЛЬ – ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В предыдущей главе я говорил о том, что понятия «легкий» и «тяжелый», «хороший» и «плохой» являются относительными. Столь же относительны и понятия цивилизации и просвещения. Когда сегодня говорят о мировой цивилизации, то ряд европейских стран и Североамериканские Соединенные Штаты относят к наиболее цивилизованным странам; такие азиатские страны, как Турция, Китай, Япония и др. именуют полудицизованными, а Австралию или африканские страны называют варварскими. В современном мире такого рода эпитеты получили самое широкое распространение. Подобное обстоятельство не только позволяет гражданам западных государств гордиться своей цивилизацией, но и вынуждает жителей так называемых полудицизованных и варварских стран также принимать эти названия и мириться с тем, что их называют полудицизованными и дикими. В результате никто из жителей этих государств не гордится своими странами и не считает, что они могут в чем-то превосходить западные государства – и это не может не вызывать беспокойства. Но дело, думается, не только в этом. Чем больше умные люди углубляют свои знания, тем яснее понимают они положение в своих странах. Но чем яснее они понимают положение в своих странах, тем отчетливее осознают, что последние не могут равняться с западными государствами. Некоторые из этих деятелей в печали и тревоге предлагают учиться у Запада и подражать ему, другие же считают, что нужно стремиться к тому, чтобы противостоять Западу. По крайней мере, в азиатских странах эта тема является предметом постоянной заботы всех образованных людей. (Даже упрямые китайцы – и те в последнее время стали посылать стажеров для учебы на Западе. Уже из этого видно, как они заботятся о своей стране).

Как бы то ни было, сейчас деление стран мира на цивилизованные, полудицизованные и варварские не только существует, но и является общепринятым. Почему? Просто потому, что такое деление отражает непреложную истину, которая не требует доказательств. Подробнее об этом будет идти речь ниже, пока же хочу сказать о том, что человечество в своем развитии прошло различные стадии, которые можно назвать периодами жизни цивилизации.

1. На первом этапе у людей нет ни постоянных источников пищи, ни постоянных мест обитания. При необходимости они собираются в группы, но когда такая необходимость пропадает, то и группы эти также мгновенно исчезают без следа... И даже в тех случаях, когда люди оседают в определенном районе и занимаются земледелием и рыболовством, то есть могут создать себе постоянные источники пищи и одежды, они не пользуются такой возможностью, ибо не умеют изготавливать орудия. На этой стадии люди также не знают письменности и, как следствие, не оставляют после себя письменных источников. Иными словами, на этой стадии развития человек не является хозяином своего положения. Испытывая постоянный страх перед силами природы, он может надеяться только на собственные догадки или на случайные удачи. Такое состояние называют дикостью или варварством, и оно, конечно, очень далеко отстоит от цивилизации.

2. На втором этапе благодаря развитию сельского хозяйства человек уже обеспечивает свои потребности в одежде, пище, орудиях труда. Люди строят дома, основывают поселения – словом, создают внешнюю видимость государства. Однако за этим пристойным фасадом скрывается множество недостатков. Так, несмотря на то, что на этой стадии получают заметное развитие науки и ремесла, истинное число людей, владеющих практическими навыками, остается небольшим. И если в области человеческих отношений на этом этапе уже глубоко укореняются такие чувства, как подозрительность и ревность, то при изучении природы люди еще не настолько смелы, чтобы высказывать ей свои сомнения или ревновать к ее тайнам. На этой стадии люди умеют в деталях подражать существующим образцам, но еще недостаточно

изобретательны для того, чтобы создавать новые изделия. Они знают, как совершенствоваться в старом, но не знают, как усовершенствовать это старое. Люди следуют правилам общения между собой, но не делают ничего для того, чтобы изменить эти правила, ибо над ними довлеют обычаи. Такое состояние называют полудцивилизованным, поскольку полная цивилизованность здесь еще не достигнута.

3. На третьем этапе люди знают законы, управляющие природными явлениями, и умеют в полную силу действовать в рамках этих законов. Человеческий дух развивается свободно, не сдерживаемый путами старых обычаев. Человек сам управляет собой и не зависит от мыслей и желаний других, он сам совершенствует свои нравственные качества и сам оттачивает свои знания. Люди не тоскуют о прошлом и не довольствуются настоящим, не успокаиваются на малом, а замысливают большое. Двигаясь к поставленной цели, они не сворачивают, а достигнув ее – не останавливаются. Их знания не схоластичны, ибо для них ясны основы. Их предприятия день ото дня развиваются, углубляя источники общественного благосостояния. Они уже сегодня пользуются плодами своей мудрости и стремятся к тому, чтобы действовать так и завтра. Вот что такое современная цивилизация, вот чем она отличается от дикости и нецивилизованности.

Подобная трехступенчатая классификация позволяет разграничивать цивилизованность, полудцивилизованность и варварское состояние, но, применяя ее, нужно помнить, что все эти понятия являются относительными. Так, не зная о существовании цивилизованных стран, вполне можно заключить, что высшей стадией развития является полудцивилизованное общество. Равным образом, нецивилизованное общество является таковым только в противопоставлении цивилизованному; если же сравнивать полудцивилизованное общество с варварским, то и полудцивилизованное вполне можно назвать цивилизованным. Например, сравнивая современный Китай с западными странами, следует признать, что Китай является полудцивилизованной страной. Однако если мы захотим сопоставить Китай со странами Южной Африки, или, обратившись к более близкому примеру, задумаем сравнить жителей центральной части Японии с племенами Эдзо,^{vi} то окажется, что Китай или японцев вполне можно назвать цивилизованными. Впрочем, называя цивилизованными европейские страны, тоже нужно иметь в виду, что такое определение по-настоящему применимо к ним только в условиях современного мира. А уж если говорить совсем строго, то очень многие из них и сейчас не заслуживают такого наименования. Так, например, нет большего бедствия в современном мире, нежели война – и, тем не менее, западные страны постоянно находятся в состоянии войны. Воровство и убийство – самые тяжкие людские злодеяния, и, тем не менее, в европейских странах есть и те, кто ворует чужое, и те, кто убивает людей. Есть в этих странах и те, кто, собираясь в группы, борется за власть, и те, кто ропщет, потеряв эту власть. Можно сказать, что без интриг и козней не существует современной дипломатии. Иными словами, если посмотреть на картину в целом, то можно прийти к выводу, что силы добра постоянно крепнут, однако назвать сегодняшнее положение полным торжеством добра, конечно, никак нельзя. За прошедшие почти две тысячи лет знания и добродетели человечества могли бы сделать огромный шаг вперед и достичь едва ли не хэйанских^{vii} высот. Однако даже беглый взгляд на страны Запада убеждает нас в том, что и там, к сожалению, еще делается немало того, что характерно для состояния жалкой и унижительной дикости. В определенном смысле приобщение к цивилизации есть бесконечный процесс, и сегодня в западных странах он также далек от своего завершения.

Итак, западная цивилизация несовершенна. Но значит ли это, что мы должны ее отвергать? В каком положении мы окажемся, если это произойдет? Мы не хотим довольствоваться полудцивилизованностью, не говоря уже о варварском состоянии. Но если мы от них отказываемся, то куда нам идти? Ждать тысячи лет, пока сам собой вернется золотой век Хэйана? Нет, это – пустые мечтания. К тому же цивилизация не есть

нечто мертвое и застывшее, она развивается и движется вперед, и в этом своем движении должна обязательно проходить определенные стадии: от варварства к полувцивилизованности, от полувцивилизованности к цивилизованности. Да и для самой европейской цивилизации сегодняшний день есть также время прогресса и постоянного движения вперед. Достаточно обратиться к истории европейской цивилизации, чтобы увидеть, что она в своем развитии тоже прошла через совершенно определенные последовательные стадии, прежде чем достигла своего нынешнего состояния. И если страны современного мира, и варварские, и полувцивилизованные, хотят двигаться к цивилизации, то все они должны поставить перед собой цель изучать европейскую цивилизацию, обсуждать все ее плюсы и минусы. В данной книге я также ставил перед собой цель рассказать о европейской цивилизации. Именно в этом смысле я буду рассуждать о плюсах и минусах, преимуществах и недостатках тех или иных явлений. Надеюсь, что наши исследователи правильно поймут мою позицию.

Известно, что каждая страна занимает в мире свое особое, самостоятельное положение. Настроения общества, обычаи, государственное устройство, системы правления в разных странах далеко не одинаковы. Некоторые спрашивают: правильно ли будет, если каждая страна, замыслившая приобщиться к цивилизации, станет целиком ориентироваться на европейские страны со всеми их плюсами и минусами? Разве не должны мы соблюдать в этом деле определенный баланс, разве не должны отбирать только то, что нам подходит, то есть заимствовать нужное и отбрасывать недостойное? Должны ли мы, перенимая достижения иной цивилизации, оберегать свои нравы и обычаи, следовать национальным особенностям своей страны и сохранять присущую ей систему правления?

Мой ответ таков: безусловно, заимствуя достижения иноземной цивилизации для нужд полувцивилизованной страны, нужно с самого начала быть благоразумными, делать правильный выбор и уметь соблюдать меру. Одно дело – внешние формы цивилизации, другое дело – ее глубинный дух. Легко заимствовать внешние атрибуты цивилизации, гораздо труднее – ее внутреннюю сущность. Имея целью внести в страну цивилизацию, следует сначала обратиться к решению трудной задачи, оставив легкую на потом. При этом в ходе решения первой, сложной задачи следует постоянно взвешивать все последствия предпринимаемых шагов - и лишь убедившись в их правильности, переходить к рассмотрению более простой задачи, также постоянно отслеживая мели и омуты на пути к цели и принимая взвешенные решения. Если же нарушить этот порядок и обратиться к решению более простой задачи прежде, чем будет решена сложная, то заимствования не только не пойдут на пользу, но и могут принести явный вред.

Если говорить о внешних признаках цивилизации, то к ним следует отнести все, что можно наблюдать с помощью органов чувств – от одежды, пищи, инструментов и жилищ до законов и постановлений правительства. При этом даже если сводить цивилизацию к ее внешним формам, то выбор этих форм нужно делать с учетом настроений общества и обычаев данной страны. Ведь даже западные страны, граничащие друг с другом, не являются по сути своей тождественными. Тем более не должны во всем подражать Западу далекие от него страны Азии. Более того, простое подражание Западу вряд ли вообще можно назвать приобщением к западной цивилизации.

Так, например, можем ли мы назвать приобщением к цивилизации следование западным манерам в пище и одежде, распространившееся в нашей стране? Можем ли мы называть мужчину цивилизованным только потому, что он коротко, на европейский манер, пострижен? Можно ли считать человека просвещенным только потому, что он ест мясо? Естественно, нет.

Меня совершенно не радуют попытки японского правительства подражать Европе и строить каменные здания или стальные мосты. Равным образом, мне неприятны действия

китайцев, которые в попытках быстро модернизировать свою армию также во всем подражают Западу, ради чего сооружают огромные корабли и покупают пушки, совершенно не считаясь с внутренним положением в своей стране и понапрасну расходуя огромные средства.

Заметим, что здесь речь идет о вещах, которые люди могут достаточно просто построить сами или купить за деньги. Но даже если бы их можно было соорудить вообще безо всякого труда или купить за гроши – значит ли это, что мы должны принимать все это бездумно, не заботясь о последствиях? Напротив, в этом деле нужно непременно учитывать общественные настроения и обычаи людей, обязательно принимать во внимание насущные нужды своей страны. Должно быть, это имеют в виду и многие из тех, кто сейчас высказывают свои суждения о настроениях и нравах, царящих в нашем обществе. Не хочу сказать, что мои взгляды совершенно отличаются от мнений этих людей, но они тоже нередко говорят лишь о внешних признаках цивилизации, оставляя в стороне ее дух.

А ведь что такое дух цивилизации? Прежде всего, это дух самого народа. А этот дух нельзя ни купить, ни продать, ни спешно построить стараниями отдельных людей. Этот дух наполняет весь народ и широко проявляется во всех делах и событиях, имеющих место в стране. Но он не имеет видимых форм, и потому бывает весьма трудно определить места, где он концентрируется. Постараюсь указать некоторые из таких мест.

Если ученые обратятся к изучению общего хода мировой истории и сопоставят два ее потока, отвечающих Азии и Европе, то они с неизбежностью обнаружат, что эти части мира имеют существенные различия: у них разное географическое положение и уровни развития производства, наук и ремесел, разные системы правления и законодательство, несхожие религиозные системы. Но даже если пренебречь этими различиями, то все равно остается еще нечто существенное, но нематериальное, что их разъединяет.

Это «нечто» очень трудно описать словами. Если его лелеять, то оно расцветает и объемлет всё сущее; если его подавлять, то оно вянет и съеживается, а его внешние проявления исчезают из виду. Оно находится в вечном движении, постоянно продвигаясь вперед или отступая, расцветая или увядая. Такое представление может показаться по-детски наивным, однако каждый, кто непредвзято смотрит на события, происходящие в Европе и Азии, не может не признать очевидного: это «нечто» действительно существует. Назовем это «нечто» духом данной нации. Если говорить о временном аспекте этого «нечто», то его можно также назвать «духом времени», если вести речь о людях, то – настроениями общества и, наконец, если обрисовать его применительно к стране в целом, то это «нечто» можно было бы назвать обычаями данной страны или общественным мнением. Именно это «нечто» и является, если можно так сказать, духом данной цивилизации. Иными словами, самое существенное различие между Азией и Европой лежит в том, что различаются духовные компоненты этих цивилизаций. В этом смысле дух цивилизации можно также отождествить с умонастроениями и обычаями тех или иных народов.

Некоторые полагают, что прежде, чем заимствовать западную цивилизацию, нам нужно составить ясное представление об обычаях и умонастроениях своего собственного народа. Может быть, эта точка зрения пока недостаточно ясно сформулирована или неудачно выражена словесно, но если разобраться, то она правильна в том смысле, что мы не должны заимствовать только внешние формы цивилизации, и прежде, чем к ним обращаться, нам нужно усвоить сам дух цивилизации. И когда я говорю о том, что европейская цивилизация есть наша цель, что мы должны усвоить дух этой цивилизации, то я фактически соглашаюсь с вышеприведенной точкой зрения. Те, кто отдает предпочтение внешним формам цивилизации, почти сразу же сталкиваются на своем пути

с непреодолимыми препятствиями и не знают, как их обойти. Я отличаюсь от таких людей только тем, что с самого начала ставлю на первый план дух цивилизации, а не ее форму, и потому могу заранее обойти подобные препятствия и тем облегчить приобщение к иной цивилизации. При этом нельзя сказать, что мои оппоненты питают отвращение к этой цивилизации. Нет, они приветствуют ее, но, в отличие от меня, не обращены к ней полностью и потому просто не могут ясно сформулировать свою позицию.

Выше я уже говорил о том, что гораздо легче воспринять внешние формы цивилизации, чем ее дух. Попытаюсь разъяснить это положение. Существуют вещи, которые может видеть и слышать каждый, вещи, так сказать, осязаемые, воспринимаемые органами чувств. Это - одежда, пища, жилища и т.п. – вплоть до законов и постановлений правительства. Безусловно, законы и правительственные декреты весьма существенно отличаются от пищи, одежды или жилища, однако важно, что и те, и другие воспринимаются нашими чувствами. Вместе с тем понятно, что законы или постановления – вещи нематериальные, их нельзя потрогать или купить. А раз так, то и обращаться с ними труднее, чем с вещами первой необходимости. Именно поэтому строить в подражание Западу стальные мосты или каменные дома намного легче, чем реформировать правительство или принимать новые законы. Вот почему и у нас в Японии уже строят стальные мосты и каменные здания, но пока с большим трудом реформируют правительство и устанавливают новые законы; в частности, в стране до сих пор нет национального парламента.

Гораздо более трудная задача - коренным образом изменить дух целого народа. Здесь не добьешься успеха случайно, играючи, в течение одного дня, одним правительственным декретом или одной религиозной проповедью. Еще меньше вероятность повлиять на состояние духа извне – например, медленно меняя материальное окружение людей, их пищу, одежду, жилища. Единственный способ совершить это – следовать истинной природе человека, устранять его пороки и препоны на пути его морального совершенствования, сделать так, чтобы обычные люди умножали свои знания и добродетели, а их взгляды устремлялись на возвышенное.

Только тогда, когда общественные настроения начнут меняться подобным образом, можно будет вести речь о постепенном устранении препятствий на пути улучшения законов и декретов правительства. И лишь тогда, когда улучшатся общественные нравы и реформируются правительственные институты, у нас впервые появится возможность заложить подлинные основы цивилизации. После этого такие осязаемые вещи, как пища, одежда, жилище изменятся сами, в силу естественных причин - нам уже не нужно будет требовать перемен и «зазывать» их в страну. Вот почему я считаю, что, заимствуя европейскую цивилизацию, мы должны решать сначала трудные задачи, а лишь затем – легкие: сначала изменить нравы общества, потом - правительственные институты, и лишь в заключение – наше материальное окружение. Следовать такому порядку трудно, но зато этот путь беспрепятственно приведет нас к заветной цели. Изменить порядок решения задач и вначале сосредоточиться на простых вопросах – значит завести дело в тупик, значит оказаться перед глухой стеной и быть не в силах сделать даже крохотный шаг вперед. И тогда нам предстоит либо остановиться в нерешительности, либо биться об эту стену и после каждого шага на вершок вперед отступить на аршин назад.

Ратуя за вышеупомянутый порядок приобщения к цивилизации, я ни в коей мере не собираюсь принижать материальную составляющую цивилизации или вовсе считать ее незначимой. Разницы здесь никакой нет: нам равным образом предстоит отыскивать за рубежом и строить внутри страны и материальную, и нематериальную компоненты цивилизации. Вопрос только в том, что нужно делать раньше, а что – позже.

В конце концов, должно быть ясно, что человека не остановить, его активность безгранична. Эта активность имеет и материальные, и духовные компоненты. Человек действует широко, и нужды его исключительно многообразны. И если предложения цивилизации соответствуют изначальной природе человека, если цивилизация не наносит вреда этой природе, то человек все равно будет к ней приобщаться - и это можно только приветствовать. Однако верно и то, что цивилизованная жизнь требует, чтобы человек в полной мере использовал те физические и душевные силы, которые дала ему природа.

Так, например, в первобытную эпоху все люди высоко ценили грубую физическую силу, и потому именно она одна определяла отношения между людьми. Как следствие, в ту эпоху власть в человеческом обществе по необходимости была на стороне силы, в результате чего человек мог найти применение только крайне малой части своих природных способностей. Однако по мере прогресса культуры постепенно развивались и духовные возможности общества, в нем мало-помалу обрела определенное влияние и сила разума. Противодействуя друг другу, сила разума и физическая мощь постепенно уравновесились, и в результате ни одна из этих сил уже не могла получить перевеса над другой. В этих условиях человек, можно сказать, увеличил число сфер применения своих дарований и стал теперь использовать и физические, и умственные способности. Впрочем, в древности подобных точек приложения талантов было немного. Так, физические силы тратили, в основном, на битвы и сражения, а остатки этих сил шли на то, чтобы обеспечивать себя пищей, одеждой и жилищем - ни на что другое у древних просто не хватало времени. Иными словами, правильно будет сказать, что обычаи и нравы общества определялись тогда на поле брани.

Как уже говорилось, со временем начали постепенно обретать определенную власть и умственные силы, однако поначалу они тратились на то, чтобы сохранить в неприкосновенности примитивность и дикость тогдашних общественных нравов. Люди даже не пытались употребить свои умственные способности на достижение мира и покоя - вместо этого они тратились на противодействие грубой физической силе и на то, чтобы подчинять себе людей и управлять ими. Словом, силы разума тогда еще не нашли своего независимого места в обществе.

В странах современного мира - и в варварских, и в полумодернизированных - можно найти множество подтверждений тому обстоятельству, что сегодня знающие и добродетельные люди тем или иным образом, но обязательно связаны с правительством, опираются на его силу и оказываются причастны к управлению людьми. А те немногие, кто хочет целиком посвятить себя частной жизни, не имеют иного пути, кроме как изучать древних классиков либо погрузиться в чистое искусство - например, совершенствоваться в сочинении стихотворных и прозаических произведений. Иными словами, можно сказать, что и в современном мире способности человека используются еще недостаточно широко.

Однако по мере того, как возрастает число дел, которыми занимается человек, растут его материальные и духовные потребности. В результате в обществе делаются новые изобретения и отыскиваются схемы удовлетворения этих новых потребностей. Как следствие, оживляются торговля и ремесла, расцветают многочисленные науки - и вот уже человек не удовлетворяется старыми и простыми решениями. В конце концов, оказывается, что такими сферами, как искусство, государственное управление, изучение древностей, поэзия и т.п. деятельность человека не ограничивается, и, стало быть, они не должны довлеть над обществом. Возникают сотни тысяч предприятий; вместе с ростом их числа растет и конкуренция. В конце концов, большое число предприятий выходит на некий средний уровень, где они соревнуются друг с другом - и в результате поведение людей просто не может не меняться к лучшему. На этой стадии развития разум берет всю полноту власти в свои руки, и прогресс цивилизации становится очевидным.

Чем более простую работу делает человек, тем менее он развит духовно. А чем менее он развит духовно, тем более склонен подчиняться авторитетам. В старину, когда число предприятий было мало, на земле было мало мест, в которых люди могли бы проявить свои способности. Как следствие, силы и способности человека действовали только в одном направлении. Однако с течением времени некогда простой мир начал меняться и усложняться; человеку открылись совершенно новые сферы приложения его душевных и физических сил. Поистине богата делами и событиями сегодняшняя жизнь в странах Запада, где прогресс цивилизации постоянно умножает число дел, подвластных человеку, и расширяет его потребности. В результате возникают все новые и новые сферы деятельности, и вне зависимости от важности или масштабов этих начинаний все они служат делу развития человеческого духа. Если не препятствовать природе человека, то эти его начинания будут и впредь день ото дня множиться, а потребности человека – расти. Это ясно видно из всего опыта мировой истории. Человек и цивилизация столь хорошо подходят друг другу, что это не может быть случайностью: наверное, за таким соответствием кроется глубинный замысел Создателя...

Продолжая обсуждение в этом ключе, мы можем уяснить для себя и еще одну истину. Речь идет о различии между китайской и японской цивилизациями. И в Китае, и в Японии правление осуществляется абсолютным монархом или высшим духовным главой, а почитание правителя восходит к мандату Неба. И там, и здесь наибольшее почитание и наибольшее могущество соединяются в одной персоне. И в том, и в другом случае государь управляет отношениями между людьми и, проникая глубоко в умы своих подданных, определяет направление хода их мыслей. А раз у людей, живущих при такой системе, все мысли вложены, выстроены и направлены в одну сторону, то у них в головах просто не остается места для собственных мыслей, и все их желания поневоле становятся простыми и непритязательными; им попросту не о чем беспокоиться. Однако верно и то, что любое общественное возмущение, сколь бы мало оно не было, может разрушить стройную систему таких связей. А тогда - вне зависимости от конкретного хода событий – результат оказывается всегда один: в умы людей проникает дыхание свободы.

В Китае в конце правления династии Чжоу^{viii} несколько столетий были ознаменованы обособлением и усилением местной знати, в результате чего народ не знал правления собственно Чжоу. Эти годы стали временем крупнейших смут в Поднебесной. Власть, всецело основанная на тирании и деспотизме, потеряла под собой почву, в душах людей появилось немного свободного места, и они тотчас же обратились к мыслям о свободе. В результате за три с лишним тысячи лет истории китайской цивилизации не было другого такого столкновения противоборствующих учений, такого явного противостояния в обществе светлого и темного начал, как в конце династии Чжоу.² Конфуций и Мэн-цзы отзывались о таких теориях как о «ересях». Впрочем, эти «ереси» были таковыми только с точки зрения Конфуция и Мэн-цзы, а с точки зрения тех, кто проповедовал подобные учения, еретическими должны были считаться воззрения самих Конфуция и Мэн-цзы. Так или иначе, можно предположить, что подобная активность людей того времени питалась духом свободы (к сожалению, это трудно доказать документально, ибо до сегодняшнего дня дошло очень мало подлинных свидетельств событий этого периода).

Как известно, в начале своего правления император Цинь Шихуанди объединил Поднебесную и сжег книги.^{ix} При этом вредными были названы далеко не только произведения Конфуция и Мэн-цзы - такими мерами император хотел прекратить столкновение мнений и остановить прения представителей всех многочисленных школ, будь то последователи Конфуция или Мэн-цзы, Ян Чжу или Мо-цзы. Можно быть уверенным в том, что если бы в те времена существовали только школы Конфуция или

---

² Достаточно назвать теории Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ян Чжу, Мо-цзы и еще сотен других мыслителей - *Прим. автора.*

Мэн-цзы, то Цинь Шихуанди никогда не стал бы сжигать их книги. Это видно хотя бы из следующего обстоятельства: несмотря на то, что в последующие века в Китае было немало тиранов, не уступавших в деспотизме Цинь Шихуанди, учения Конфуция и Мэн-цзы уже никогда вредными не считались – или, иными словами, они были уже не в силах остановить ни одного тирана. Ведь почему Цинь Шихуанди именно тогда объявил вредными всяческие прения и решил их остановить? Просто потому что голоса их участников слышались все громче, а сами эти прения стали опасны для деспотического строя. Более того, само возникновение такой опасности лишний раз доказывает, что в ходе тех дискуссий в Китае стали пробиваться ростки свободомыслия.

Защита единственного учения, вне зависимости от того, насколько оно хорошее и чистое, всегда выливается в подавление духа свободы – известно, что он существует только в атмосфере многочисленных дискуссий. Цинь Шихуанди своими мерами закрыл сам источник возникновения подобных прений. После него страна надолго вернулась к самовластному правлению. Сменялись правители, но суть общественных отношений в Китае не менялась: по-прежнему страной управлял тот, кто совмещал в себе высший авторитет с наибольшей силой. А для сохранения такой системы как нельзя более удобными являлись именно учения Конфуция и Мэн-цзы, и потому именно они единственные и распространились в Поднебесной.

Некоторые высказывают такое мнение: да, в Китае существовало самовластное правление, но зато там сменялись династии, тогда как в Японии на протяжении многих поколений наследование трона осуществлялось по прямой линии, и, в результате умы японцев должны были еще более закостенеть в своем невежестве. Однако рассуждать так – значит погрязать в формализме и не видеть истинного положения вещей. Если войти в детали истинного состояния дел, то обнаружится нечто прямо противоположное. Безусловно, в истории древней Японии также существовала эпоха теократического правления, когда люди отличались простодушием и без тени сомнения верили в того, кто объединял в себе наивысшее почитание и наибольшее могущество. В этом смысле они, по существу ничем не отличались от китайцев. Однако с возвышением в средние века воинского сословия подобная система отношений постепенно разрушилась. Теперь самый почитаемый уже не обязательно был самым могущественным, равно как и самый могущественный – самым почитаемым. В чувствах и мыслях людей тоже произошло отделение понятия наиболее почитаемого от понятия самого сильного, и эти две идеи начали существовать по отдельности. А раз люди допустили одновременное существование в своем сознании двух разных идей, то уже ничто не могло помешать им добавить к ним еще одну – идею разумности. Эта третья идея наряду с первыми двумя – идеей почитания божественного правителя и идеей подчинения военной силе – образовали триединую систему, в которой ни одна из сторон не была сильнее других, а, следовательно, и не главенствовала над ними. А раз так, то в этом случае также возникала естественная предпосылка для рождения духа свободы.

Совершенно иное положение сложилось в Китае. В противоположность японцам, китайцы почитали одного, подлинно самовластного правителя, и с полным единомыслием слепо верили в единое воплощение идеи высшего духовного авторитета и идеи высшего могущества. Одним словом, японцы жили богатой идейной жизнью, тогда как жизнь китайцев была идейно бедна. С другой стороны, жизнь китайцев была спокойной и мирной, жизнь японцев – полна хлопот. А человек, живущий хлопотной, беспокойной, полной мыслей и идей жизнью не может быть равнодушен к этой жизни, даже если душа его охвачена слепой верой.

В условиях абсолютной теократии правитель может перенести свой дворец в другое место из-за солнечного затмения, на судьбе правления сказываются также разнообразные небесные знамения, гадания и т.п. И чем более люди следуют подобным обычаям, чем

больше они обожествляют правителя, тем в большую глупость впадают сами. Нечто подобное происходит сегодня в Китае – но никак не в Японии. Да, о нашем народе тоже можно сказать, что он слепо увлечен одной идеей, но идея это – ведение собственного домашнего хозяйства. Иными словами, японцы не столь сильно чувствуют на себе последствия неразумных или вредных действий духовных и светских властей. Так, например, в эпоху владычества воинских домов император тоже мог перенести дворец на новое место из-за случившегося затмения. Он также следил за небесными знаменами и возносил моления небу и земле. Однако, будучи самым почитаемым лицом, император не обладал верховной властью, и потому простой народ не очень обращал внимания на эти события. С другой стороны, обладавший максимальной властью военный правитель *сёгун* действительно не имел соперников в своем могуществе и подчинял себе всю страну. Однако простые люди не почитали *сёгуна* так, как почитали имевшего высший духовный авторитет императора, ибо с их точки зрения *сёгун* был всего лишь обыкновенным человеком. Таким образом, идея высшей духовной власти в определенном смысле уравновешивала идею наивысшего могущества, и между этими концепциями осталось свободное место – небольшое, но достаточное для того, чтобы в нем было позволено действовать мыслям и мог сделать свои первые шаги разум. Нужно сказать, что в этом смысле на долю нашей Японии неожиданно выпала редкостная удача.

Сейчас, конечно, вряд ли стоит всерьез помышлять о возврате к старине и возрождении самурайских домов. Но что было бы, если на протяжении семисот лет правления военного правительства *бакуфу* императорский двор обладал такой же военной мощью, как сёгунские дома или, напротив, сёгунские дома возвысились бы до положения императорского двора? Что было бы, если бы наиболее почитаемое слилось бы с наиболее могущественным в нечто единое, и оно стало бы творить насилие над душами и телами людей? Тогда просто не было бы сегодняшней Японии!

Равным образом, если сегодня, как предлагают ученые императорской школы, начать править страной в духе лозунга «единства власти и веры», то Япония в будущем тоже сильно изменится. Нам, японцам, действительно сильно повезло, что до сих пор дело у нас обстояло противоположным образом...

Итак, подведем итог. Китай в течение многих поколений жил при полной и единой тео- и автократии. В Японии элементам теократии была противопоставлена военная сила. При этом власть в Китае строилась на одной-единственной основе, а в Японии таких основ было две. Поэтому если говорить о цивилизациях, то китайская цивилизация за свою историю ни на йоту не изменилась, и потому ее нельзя и сравнивать с японской. Более того, можно сказать, что Япония лучше приспособлена для восприятия западной цивилизации, нежели Китай.

Выше я упоминал об исповедуемом некоторыми людьми мнении, что всякая страна, заимствуя европейскую цивилизацию, должна сохранять свое национальное устройство, свою национальную самобытность – *кокутай*. Я не собираюсь детально рассматривать здесь это понятие. Хочу только подчеркнуть, что всякий раз, когда обсуждается вопрос о заимствовании цивилизации, первое, что волнует людей – это вопрос о национальной самобытности. Есть такие, кто утверждает, что последняя несовместима с самим понятием цивилизации, а немалое число полемистов вообще замолкает и отказывается публично обсуждать подобные вопросы. Но поступать так – это все равно, что воинам отказаться скрестить мечи и разойтись еще до начала схватки...

Разве позволительно полководцу вслепую делать выбор между войной и миром, разве не следует вначале детально изучить положение, а потом уже решать, куда идти – непременно к миру или с очевидностью к войне? Почему мы должны уходить от проблемы, почему ее нельзя даже обсуждать?..

Рискуя получить упреки в многословии, я все же хотел бы ответить тем, кто придерживается такой точки зрения.

Во-первых, на какие предметы и явления указывает сам термин *кокутай*? Оставив на некоторое время в стороне распространенные в обществе объяснения, скажу о том, как его понимаю я.

Иероглиф с чтением *тай* (или *тэй*) входит в японское слово *гаттай* со значением «объединение, слияние»; он также является компонентом слова *тэйсай* - «внешний вид». Иными словами, *тай* – это нечто такое, что собирает воедино отдельные предметы, противопоставляет их всем остальным и придает этому объединению законченную форму. Соединяясь с компонентом *коку* («страна, государство, земля, родина»), компонент *тай* образует слово *кокутай*. Таким образом, это понятие описывает группу людей, объединенных друг с другом общими чувствами. Они отделяют себя от жителей других стран. Они относятся друг к другу лучше, чем к жителям других стран. Они поддерживают друг друга сильнее, чем жителей других стран. Они живут под властью собственного правительства, подчиняются сами себе и не желают находиться под контролем других правительств. Иными словами, это общность независимых людей, которые в радости и в горе поддерживают друг друга.^x В западных языках для описания этого понятия существует слово «национальность» (nationality).

В мире много стран, и каждая по-своему самобытна, у каждой есть свой *кокутай*: в Китае он китайский, в Индии – индийский. Каждая из стран Запада также защищает свою национальную самобытность. Чувства причастности к ней могут быть связаны с принадлежностью к одной расе или к одному вероисповеданию, с общностью языка или с географической близостью. Составляющие этого чувства могут различаться от страны к стране, но если говорить о наиболее мощных его источниках, то правильно будет назвать принадлежность людей к одной расе, общность условий жизни, общую историю и общие воспоминания о прошлом. Впрочем, существуют страны, не удовлетворяющие всем этим условиям, но также обладающие *кокутай*. Так, Швейцария обладает очень яркой национальной самобытностью, невзирая на то, что населяющие ее люди живут в разных кантонах, говорят на разных языках и исповедуют разные религии. Однако, несмотря на все различия, народы, населяющие эту страну, испытывают друг к другу определенное сродство. Германские княжества являются по сути дела независимыми, однако благодаря общности их языка и литературы, равно как и чувству принадлежности к общему прошлому, они и сегодня сохраняют единую для всех национальную самобытность, отличающую германские государства от прочих.

Национальные особенности не являются чем-то постоянным, они подвержены значительным изменениям. Они могут сливаться и делиться, растягиваться и сокращаться, могут, наконец, вообще бесследно исчезать. Причем будут ли они жить или нет – зависит вовсе не от того, будет или нет существовать впредь данный язык или данное вероучение. Язык или религия могут продолжить свое существование, но если народ теряет свое право на управление, если он приемлет контроль со стороны иноземцев – значит, он потерял свою национальную основу, значит, его *кокутай* прервался.

Можно привести различные примеры развития событий, при которых сохраняется *кокутай*. Так, Англия и Шотландия находятся под единым правительством, но каждая из них не потеряла своей самобытности. Голландия и Бельгия разделились и оказались под двумя правительствами, создав два новых рода *кокутай* и не утерев ни одного, ибо ни одна из этих стран не отдала своей независимости иностранцам. Китай, подчинившись в конце династии Сун^{xi} монголам, потерял свой *кокутай*, что положило начало его падению. Позднее монгольская династия Юань^{xii} была свергнута, и на ее месте воцарилась

китайская по облику династия Мин^{xiii}. Однако, в конце концов, власть от Мин перешла к маньчжурам, так что традиция китайской *кокутай* была прервана, а на его месте установился маньчжурский *кокутай*. Сегодня народ Китая сохраняет идущие из прошлого обычаи и язык, а отдельные представители этого народа занимают высокие правительственные посты. Иными словами, внешне все выглядит в согласии с духом Цин и Мин. Однако в действительности в южной части страны китайский *кокутай* утерян в пользу маньчжур, занимающих северную часть территории страны. Среди других примеров потери *кокутай* можно назвать переход Индии под британское правление или преследование коренных жителей Америки белыми переселенцами. В целом можно сказать, что существование или отсутствие *кокутай* обусловлено тем, обладает ли данный народ суверенной властью или он ее лишился.

Во-вторых, каждая страна обладает тем, что называется политической легитимностью, *political legitimation*. Здесь слово *political* относится к правительству, к правлению, а *legitimation* описывает законность как основной принцип этого правления. Я буду переводить этот термин на японский как *сэйто*, подразумевая под ним законность правления^{xiv} как принцип организации власти, принимаемый всем населением. Понятие законности правления не является чем-то неизменным и зависит от эпохи и особенностей той или иной страны. Так, в одних странах считают законным лишь правление, основанное на монархических принципах, в других полагают, что законное правление – это правление независимых феодальных князей, в-третьих - отдают предпочтение народным собраниям, в-четвертых – религиозным организациям и т.п.

Если попытаться ответить на вопрос о том, что является источником самой идеи законности правления, то можно прийти к выводу, что в большинстве теорий с неизбежностью допускается использовать для обретения власти грубую физическую силу. Однако после того как власть получена, ее обладатели уже не видят необходимости в том, чтобы восхвалять грубую силу как средство обретения власти. Более того, в дальнейшем власть имущие вообще запрещают и осуждают деяния, связанные с применением силы ради захвата власти. Отвечая на вопрос об источниках своей власти и авторитета, любое правительство обязательно говорит о том, что его власть основывается на неких принципах справедливости, что она сохраняется уже долгие годы и т.п. То есть с течением времени правители перестают ссылаться на силу и начинают приводить в качестве обоснования своей власти некие моральные принципы. А поскольку люди по природе своей почитают мораль и ненавидят силу, то и в обществе начинает чувствоваться удовлетворение из-за того, что правительство действует в согласии с принципами разума и справедливости. С течением времени такое положение окончательно закрепляется. А люди, как известно, быстро забывают о прошлом и дорожат настоящим. Поэтому может случиться так, что уже в течение жизни одного поколения ропот тех, кто недоволен данным правительством, сойдет на нет, а само оно станет в глазах общества законным и легитимным.

По этой же причине смена легитимности нередко сопровождается применением военной силы. В качестве примеров можно назвать Китай конца династии Чжоу, где Цинь Шихуанди ликвидировал феодальную раздробленность и создал уезды и провинции, или Европу, где разрушившие Рим северные варвары, напротив, создали на его месте множество феодальных княжеств. Впрочем, с прогрессом цивилизации и одновременным ростом авторитета научных теорий положение в этих странах постепенно улучшилось, и дальнейшие перемены происходили мирно или, по крайней мере, уже не всегда сопровождалась применением военной силы.

В качестве другого примера можно сопоставить современную Англию с Англией начала XVIII столетия. Их системы правления различаются как небо и земля, так что можно даже усомниться в том, что речь идет об одной и той же стране. Вплоть до конца XVII века

Англию сотрясали политические распри, а прямые вооруженные столкновения прекратились только в 1688 году, после восшествия на престол Вильгельма III.^{xv} В течение прошедших после этого 160-170 лет легитимность власти в Англии претерпела огромные изменения. Но поскольку сущность этой власти менялась медленно и незаметно, без малейшего участия военной силы, то и англичане, жившие в начале этого периода, и люди, жившие в его конце, одинаково считали современное им правление законным.

С другой стороны, даже в нецивилизованном обществе изменения легитимности правления могут происходить без обращения к военной силе. Так было в старой Франции, где Каролинги^{xvi}, формально находившиеся на службе у франкских королей, по существу получили всю полноту власти в стране. В Японии в качестве таких примеров можно назвать действия семейства Фудзивара по отношению к императорской фамилии и поведение семейства Ходзэ - по отношению к Минамото.^{xvii}

Изменения в системе правления не связаны с национальной самобытностью *кокутай*. Неважно, кто и сколько раз менял в данной стране форму правления: до тех пор, пока народ этой страны приемлет существующее правление, ее *кокутай* ничто не угрожает. Голландия, в старину имевшая федеративное устройство, сегодня находится под властью монарха; Франция на протяжении последних ста лет едва ли не десятков раз меняла форму правления - однако *кокутай* и в том, и в другом случае по существу остался неизменным. Как уже говорилось выше, главной особенностью, позволяющей судить о сбережении *кокутай*, является нежелание передавать власть в своей стране выходцам из иностранных государств. Примером тому служат американские Соединенные штаты, президента которых выбирают лишь из числа лиц, родившихся в этой стране. Это правило как раз и основывается на желании людей иметь над собой правителей только из числа представителей своего государства.

В-третьих. В европейских языках есть слово *line*, означающее линию наследования по крови. Этим словом (по-японски – *кэтто*) описывается наследование власти в стране от отца к детям. В разных странах мира действуют разные обычаи: где-то власть могут наследовать исключительно сыновья правителя, где-то – не делают различия между его сыновьями и дочерьми. Часто законы не ограничивают наследование только детьми властителя: если у него их нет, то правителем может стать брат государя, а в его отсутствие и более дальние родственники; при всем при том наследником обычно избирают ближайшего из имеющихся родственников монарха. В частности, именно такой принцип наследования превалирует в европейских монархиях. С другой стороны, в истории нередки случаи споров и дискуссий, связанных с наследованием по крови. Бывает и так, что после кончины правителя страны А его место занимает правитель соседнего государства В, и, таким образом, у двух государств, А и В, оказывается один монарх. Правда, такая практика имела место лишь в Европе – ни в Китае, ни в Японии примеров тому не было. При этом следует заметить, что даже если один монарх управляет двумя странами, то это никак не сказывается ни на легитимности, ни на государственном устройстве каждой из этих стран.

Иными словами, рассмотренные выше понятия государственного устройства (*кокутай*), легитимности власти (*сэйто*) и линии наследования (*кэтто*) являются совершенно независимыми. Так, легитимность власти в стране может меняться при сохранении той же генеалогической линии правителей; образцами могут служить переворот в Англии или действия Каролингов во Франции. Реформа власти также не обязательно влечет за собой изменение государственного устройства – примеров тому в мире великое множество. Равным образом, *кокутай* может меняться даже при сохранении правящих династий – достаточно вспомнить англичан или голландцев, которые, захватывая земли на Востоке, оставляли у власти прежних вождей, ограничивали их действия и, таким образом, с их помощью управляли туземцами.

А что же Япония? *Кокутай* у нас остается неизменным испокон веку, линия наследования также никогда не прерывалась, однако легитимность власти претерпевала значительные изменения. Вначале император правил страной самовластно. Затем власть полностью перешла в руки его государственных министров - родственников с материнской стороны, потом сместилась в семейство сёгунов, чтобы после очередного перехода упасть в руки главных сёгунских вассалов, а затем снова вернуться к сёгунам и стать основой феодальной системы, дожившей до конца годов Кэйю.^{xviii}

С тех пор, как императорская фамилия потеряла власть, император стал просто номинальной фигурой. Рай Санъё в своей «Истории сёгуната в Японии»^{xix}, оценивая деяния рода Ходзё, говорит, что они сделали из августейшей особы посмешище – и это правильные слова. Но привели ли такие изменения в системе власти к потере *кокутай*? Нет, не привели, поскольку японцы все это время сохраняли свой язык, свои обычаи, наконец, сами находились под управлением японцев, которые не уступили ни грана своей власти иноземцам.

Сейчас меня охватывает очень сильное беспокойство – и вот почему. В последнее время в обществе широко распространилась склонность при обсуждении подобных тем делать акцент на непрерывности императорской линии наследования и смешивать это понятие с понятием национальной самобытности *кокутай*. При этом, как и при всяком смешении, становится трудно отделить главное от второстепенного. Безусловно то, что в нашей стране императорская линия не прерывалась с давних времен вплоть до сегодняшнего дня; вместе с тем, не прерывалась и линия развития *кокутай*. Казалось бы, поскольку эти явления уникальны и не имеют аналогов в других странах мира, можно в определенном смысле считать, что непрерывность императорской линии есть одно из проявлений непрерывности *кокутай*. Однако если адресоваться к сути проблемы, то окажется, что дело обстоит иначе: непрерывность императорской линии, вообще говоря, не является признаком сохранения *кокутай*. Почему? Обратимся к примеру из анатомии и уподобим *кокутай* человеческому телу, а императорскую линию наследования – человеческим глазам. Если глаза видят свет – это верный признак того, что тело живо. Однако для сохранения здоровья человека недостаточно следить лишь за состоянием его глаз – нужно обращать внимание на все органы тела. Если же иссякнут жизненные силы всего организма, то и глаза человека сами по себе видеть не смогут. А самая страшная ошибка – считать, что человек жив только потому, что глаза его широко открыты, тогда как в действительности жизнь уже покинула его, и он давно скончался. Англичане, управляющие своими владениями на Востоке, оставили нам немало примеров того, как тела погибают, а глаза остаются...

Как свидетельствуют исторические хроники, непрерывность наследования сохранить весьма несложно. Так, в Японии она прослеживается со времен Ходзё до периода Намбокутё,^{xx} когда линия наследования расщепилась надвое, и между представителями этих двух сторон вспыхнуло острое соперничество. Однако, как известно, вскоре этот конфликт был улажен и, перестал быть предметом для беспокойства. Иными словами, этот раскол носил лишь временный характер. Более того, глядя на эту проблему глазами потомков, легко понять, что обе ветви династии принадлежали к одному и тому же императорскому дому - а этого достаточно для того, чтобы утверждать, что линия наследования осталась непрерывной. В свое время проблема раскола казалась очень важной. Но если мы вынесем за скобки особенности эпохи и будем рассматривать эту проблему с позиций людей сегодняшнего дня (да к тому же только с той точки зрения, сохранилась непрерывность династии или нет, вне зависимости от методов, использовавшихся для ее сохранения), то окажется, что в этом деле вообще нет правых и неправых, преданных и предающих. В этом смысле трудно даже проследить различие между Такаудзи^{xxi} и Масасигэ^{xxii}...

Однако если, напротив, детально учитывать особенности той эпохи, то легко прийти к выводу, что Кусуноки на самом деле бился вовсе не за сохранение императорской линии наследования, а за сохранение легитимности власти, за то, чтобы власть над страной снова вернулась к императору. Иными словами, он тоже обратился к решению более трудной задачи прежде, чем решил легкую: ведь сохранить власть сложнее, нежели соблюсти непрерывность линии наследования.

Здесь следует сказать еще вот о чем. И прежде, и теперь считается, будто мы должны гордиться тем, что Япония, в силу непрерывности императорской династии, есть «золотая ваза без единого изъяна», совершенная страна, несравнимая ни с какой другой в мире. Но разве не будет самонадеянным считать Японию идеальной страной только потому, что в ней не прерывается императорская линия наследования? Ведь обеспечить непрерывность династии, в сущности, не так уж трудно. Не случайно на нее не покушались даже такие вероломцы, как Ходзэ или Асикага...

А является ли Япония уникальной страной с точки зрения системы правления? Нет, не является. В ходе истории система правления в Японии несколько раз менялась; в этом смысле наша страна не отличается от многих иностранных государств, и потому особо гордиться нам нечем. Что действительно делает ее «золотой вазой без единого изъяна» - так это единственно то, что она с изначальных времен соблюдала в неизменности свой *кокутай* и никогда не покорялась власти иноземцев.

Таким образом, можно утверждать, что основой страны служит *кокутай*, национальная сущность; от нее зависят и вместе с ней меняются и формы правления, и судьбы династий. Да, в средневековой Японии императорский дом сначала потерял власть, а затем в нем произошел раскол. Но сегодня мы все равно можем гордиться нашей «золотой вазой без единого изъяна». Почему? По той причине, что все эти события остались внутренним делом Японии. Ведь если бы то, что сделал Минамото Ёритомо, сделали англичане или русские, то даже при сохранении императорской династии японцы оказались бы в таком положении, что сегодня у нас не было бы никаких причин для гордости. Но, к счастью, в период Камакура^{xxiii} не было здесь ни русских, ни англичан... Это сейчас времена изменились, они буквально роятся вокруг Японии, и потому всем нам нужно быть начеку.

По большому счету, перед японцами сейчас стоит только одна задача: сберечь свой *кокутай*, свою национальную самобытность. А что значит «сберечь *кокутай*»? Это значит – не потерять власть в своей собственной стране. А для того, чтобы не потерять эту власть, необходимо развивать умственные силы всего народа. В этом деле есть много разных тонкостей, но главное, что мы должны сделать для того, чтобы двинуться по пути развития умственных сил народа – это перестать рабски следовать старым учениям и вместо этого заимствовать дух западной цивилизации. Нельзя понять подлинные законы природы, оставаясь приверженцем философии «инь» - «ян» или теории «пяти элементов».^{xxiv} То же справедливо и в делах человеческих: не сбросив путы старых обычаев, невозможно сохранить правильные отношения между людьми. Только отказавшись от слепого следования старому, мы сможем развивать свои умственные и духовные качества, и только опираясь на умственные силы всей нации, мы сможем сохранить мощь и авторитет нашей страны и укрепить основы *кокутай*. А есть ли сейчас проблема важнее этой?

Легче всего сохранить непрерывность императорской династии. Для этого японцам всего лишь нужно оставаться благородными, а в делах и помыслах своих не отступать от идей верности и преданности. Но просто преданность – вещь неплохая лишь до тех пор, пока речь не идет о беззаветной преданности. И если мы сейчас действительно хотим

сохранить преемственность императорской династии, то мы должны заставить сиять эту идею новым светом. Но свет этот не воссияет, если не будет тверд и крепок наш *кокутай*.

Продолжая аналогию, начатую выше, можно сказать, что когда у человека иссякают жизненные силы, то его глаза тускнеют и закрываются. Конечно, блеск глаз можно оживить с помощью специальных снадобий, но если мы действительно дорожим своими глазами, то нам нужно позаботиться о здоровье всего организма. Точно так же, обращение к западной цивилизации есть единственный способ укрепить наш национальный дух и заставить сиять новым светом идею непрерывности императорской династии. Второго такого способа просто нет. Так почему мы колеблемся и пребываем в нерешительности? Нет, нужно решительно брать у Запада его цивилизацию!

Выше я уже упоминал о том, что мы не должны слепо следовать старым учениям. Словосочетание «слепо следовать» может использоваться в разных ситуациях и относиться к разным явлениям, но если говорить о нем применительно к государственному управлению, то нам, наверное, нужно вести речь о том, что следует отличать истинный авторитет правительства от его мнимого авторитета.

Проблема здесь вот в чем: для того, чтобы судить о том, удобно или нет пользоваться той или иной вещью, нужно хорошо представлять себе цель, для достижения которой эта вещь используется. Каждая из созданных человеком вещей изначально предназначалась для определенной цели: дом – для того, чтобы укрывать его от дождя и сырости, одежда – для того, чтобы защищать от ветра и холода и т.п. Однако бывает так, что, пользуясь той или иной вещью в течение долгого времени, человек забывает о ее истинном предназначении, и начинает относиться к ней только как к вещи как таковой. Он наряжает ее и украшает, восхищается ею, поклоняется ей - вплоть до того, что перестает пользоваться этой вещью по назначению и, несмотря на дополнительные хлопоты, хранит ее в специальном футляре. В конце концов, именно такая рабская привязанность к вещам становится причиной появления у людей всяческих пустяковых украшений и безделиц.

Так, например, в период «воюющих провинций»^{xxv} каждый самурай носил два меча. Тогда это объяснялось просто: в стране не было никакой возможности обеспечить законность, и потому люди были вынуждены защищать себя сами. Однако со временем ношение двух мечей вошло в обычай, и даже когда в стране установился мир, самураи все равно не отказались от ношения мечей. Более того, они не только оставили у себя мечи, но и стали высоко ценить, уделять им особое внимание, украшать их и т.п., Скоро все именитые самураи, и старые, и молодые, уже вообще не мыслили себя без пары мечей.

Но можно ли было биться такими мечами? Вряд ли. На самом деле в ножнах скрывались лишь некие инкрустированные золотом и серебром предметы, просто занимавшие место настоящих, тонких и гибких мечей. Более того, 80-90 процентов людей, носивших на перевязях эти «мечи», вообще не умели фехтовать. Однако, несмотря на всю бесполезность мечей, никто и не подумал вернуться к прежней практике и запретить это оружие. В результате все забыли, как пользоваться мечами, но зато в обществе вошло в обычай восхищаться этими предметами. Это и есть пример той самой слепой привязанности к старым обычаям, о которой я говорил выше.

И если в нынешние мирные времена спросить любого представителя воинского сословия, зачем он носит на поясе эти мечи, то он, скорее всего, уйдет от прямого ответа и скажет только что-то вроде: «Так уж истари повелось» или: «Это - самурайский знак отличия» - но ничего более определенного. Вряд ли хоть кто-то из них ответит, что меч ему нужен для дела... Но если сами самураи говорят, что ношение мечей – это не более, чем привычка, если сами называют их значками, то тогда тем более их нужно запретить! А если существует какая-то основательная причина для того, чтобы не запрещать ношение

мечей, то тогда нужно сказать, в каких ситуациях оно допускается, и запретить его во всех остальных случаях. И уж, по крайней мере, не допускать отговорок вроде той, что «ношение мечей есть природное право всякого самурая».

То же самое можно сказать и о правительстве. Для чего в каждой стране мира создаются правительства и иные атрибуты единого государства? Прежде всего - для того, чтобы сохранять суверенитет страны и защищать ее национальный государственный строй, ее *кокутай*. Именно этим измеряется престиж и авторитет власти. Если правительство не может сохранить в своих руках власть в стране, то о каком его авторитете можно говорить?

Более того, строго говоря, единственное дело правительства – это как раз всемерно распространять свою власть и авторитет. На заре истории, в первобытном обществе, люди не понимали законов природы и потому жили в постоянном страхе перед ее внешними проявлениями. Этим же принципам следовали и сами методы управления обществом, которые, таким образом, должны были строиться на понятии об иррациональности власти. Такую власть можно назвать властью ложных авторитетов. В древние эпохи подобная уловка была совершенно необходима для удержания умонастроений общества в заданных рамках. Другой уловкой было неоправданное применение силы, с помощью которой одни люди научились манипулировать другими еще на той стадии, когда они делали только первые шаги из мира животных, охваченного борьбой за существование между различными видами. Но мы не должны их за это порицать: по-видимому, в самой природе человека содержится некое неизбежное общее зло, нечто такое, что заставляет людей, облеченных властью, упиваться этой властью и применять ее по собственному произволу. Так, чем больше пьяница пьет *сакэ*, тем больше он пьянеет и тем больше ему хочется его пить, так что, в конце концов, как говорится, уже не пьяница управляется с *сакэ*, а само *сакэ* управляет пьяницей. Точно так же обстоит дело с властью: единожды ее вкусив, власть имущие в упоении тянутся за новыми порциями власти, потом начинают пользоваться ею по своему произволу, и скоро уже сама власть начинает править ими как ей заблагорассудится. Со временем такое положение вещей входит в обычай, и от правительства остается одна видимость. Эту пустую скорлупку, однако, продолжают украшать целыми гирляндами разнообразной мишуры, стремясь ее блеском ослепить общество и скрыть от него тот факт, что подлинная сущность власти уже утеряна, а то, что предстает взору, если лишь внешняя, хотя и богато декорированная, форма. В результате и самим правителям начинает казаться, что власть – это одно из сокровищ, сравнимое с золотом и яшмой, и они ее хранят и лелеют, иногда даже забывая ради власти обо всех других своих выгодах и невыгодах. А бывает и так, что правители начинают считать себя и простой народ едва ли не двумя разными видами людей. Тогда правители намеренно подчеркивают это различие, регламентируя все и вся, предписывая высшим и низшим разные ранги и звания, определяя для них разные костюмы и украшения и заставляя их по-разному писать и говорить. Именно так возникли в эпохи Чжоу и Тан китайские церемонии...

А еще бывает так, что правители безосновательно провозглашают себя свидетелями невиданных чудес, рассказывают о том, что они напрямую получили «мандат неба», что их предки поднимались на священные горы и там вели диалоги с богами, что на них во сне снисходили божественные откровения, которыми ни в коем случае нельзя пренебрегать и т.п. Такой подход становится основой того, что называют теократическим правлением. Дело может доходить до прямой подмены понятий, когда приверженность правительства к такой ложно понимаемой и не стоящей внимания власти заменяет применение власти реальной. И в любом случае при таком управлении рядом с правдой постоянно присутствует вымысел.

В глубокой древности подобные вымыслы были одними из основных механизмов управления обществом, однако с ростом умственных способностей человека их использование постепенно сходит на нет. В нынешнем просвещенном мире уже вряд ли можно ввести кого-то в заблуждение роскошными облачениями или пышными титулами - у образованного человека они вызывают только снисходительную улыбку. Собственно говоря, для того, чтобы не поддаваться на эти уловки, вовсе не обязательно быть глубоко образованным человеком - их со всей определенностью не приемлют даже те, кто познакомился только с отдельными проявлениями цивилизации и лишь стремится к ее высотам. Управлять такими людьми можно одним-единственным способом: заключить с ними договор, базирующийся на рациональной основе, и охранять этот договор всем авторитетом закона. Сегодня всем известно, что великую семилетнюю засуху не остановить воздвижением алтаря и молением о дожде.^{xxvi} И даже если сам властитель страны лично вознесет молитву о ниспослании обильного урожая пяти злаков,^{xxvii} это не сможет поколебать открытые наукой законы природы. Сегодня даже школьник ясно понимает, что словами молитвы урожай ни на зернышко увеличить не удастся... В старину верили, что если бросить в море меч, то морской прилив сменится отливом. Сегодня мы знаем, что приливы и отливы происходят в строго определенное время. В древности люди, видя гряду пурпурных облаков, считали, что лицезреют обитель героев. Сегодня героев не ищут в облаках. И дело не в том, что изменился порядок вещей - нет, это лишь доказывает, что ум человеческий стал лучше в этих вещах разбираться. И разве не благо для нашей страны, что нравы народа становятся более утонченными, умственные силы всего общества возвышаются, а правительство обретает подлинный авторитет и влияние?

Сейчас было бы глубочайшим заблуждением снова отказываться от правды ради лжи, заниматься показным внешним украшательством и тем самым все дальше уводить людей по пути, ведущему к скудоумию. Да, если наша цель - отстаивать ложные авторитеты, то тогда, конечно, оглуплять массы и пытаться вернуть их в первобытное состояние - это самая правильная политика. Но если народ будет низведен до такого состояния, то истощатся и возможности власти им управлять. А исчезнет управляющая сила - не будет и государства, а вместе с ним и государственного строя *кокутай*. Таким образом, двигаясь по этому пути, мы не только не сохраним наш *кокутай*, но и, напротив, сами же нанесем ему непоправимый вред. Иными словами, такой подход является целиком и полностью ошибочным.

Снова обратимся к примеру Англии. Если бы там все время следовали заветам прежних правителей и сохраняли в неизменности архаичную деспотическую систему правления, то, вне всякого сомнения, королевская династия уже давно бы прервалась. Однако она остается непрерывной. Почему? Потому, что королевский дом отказался от ложной власти и стал всемерно развивать народные права, вдохнув тем самым новые реальные силы в управление страной. В результате государство заметно окрепло, а вместе с ним упрочился и монарший престол. Иными словами, принятые меры оказались наилучшими для сохранения и укрепления правящей династии.

Таким образом, цивилизация не наносит никакого ущерба государственному устройству *кокутай*. Напротив, если *кокутай* опирается на достижения цивилизации, то его ценность только возрастает.

Во всем мире есть приверженцы старых обычаев, которые высоко ценят вещи, имеющие длительную историю. И чем дальше в глубь времен тянется история данной вещи, тем выше в глазах таких людей ее ценность. Подобным образом поступают, например, всяческие любители антиквариата...

Обратимся к истории Индии. Здесь сохранилось предание о первом правителе этой страны, радже Пратама, муже святом и добродетельном. Легенда повествует, что при

воцарении ему было два миллиона лет, затем он царствовал шесть миллионов лет, по прошествии которых отказался от престола в пользу наследника и прожил еще сто тысяч лет^{xxviii}...

В той же Индии существует классическое произведение под названием «Законы Ману».³ Считается, что откровение людям этих законов последовало ни много, ни мало как две тысячи миллионов лет до нашего времени - иными словами, это исключительно древнее писание. Однако пока индийцы оберегали свою седую классику, пока сохраняли обычаи глубокой древности, пока, как говорится, почивали глубоким сном на высоких изголовьях,^{xxix} пришедшие в Индию европейцы успели похитить у них всю власть. Страна великой духовной культуры, Индия превратилась в кухню Англии, а наследники ражди Пратамы стали рабами англичан.

Безусловно, с самого начала все эти рассуждения о шести миллионах лет и двух миллиардах лет, о книге, древней, как небо и земля – есть не что иное, как самонадеянное и высокомерное празднословие. В действительности упомянутому классическому произведению не более трех тысяч лет. Поэтому ровно с той же спесью, с какой индийцы говорят о своих шести миллионах лет, африканцы могли бы рассуждать о семи миллионах лет своей истории, а мы, японцы, могли бы раз и навсегда закрыть индийцам рот, противопоставив их двум миллиардам лет свои три миллиарда. Но ведь, в конце концов, все эти разговоры – всего лишь детские забавы. Чем бы дитя ни тешилось...

Несколько слов о том, как можно бороться с таким высокомерием. Очень просто: достаточно лишь указать на то, что наш мир невообразимо велик и протяжен. А что такое на этих масштабах какие-то классические книги или династии? Для мироздания, в котором мириады веков пролетают в мгновение ока, все наши миллионы лет есть только малая доля мига единого. Поэтому те, кто тратит силы на обсуждение малого, забывая о великом, просто не ведают различий между важным и второстепенным. Думаю, уже этих слов достаточно, чтобы заставить индийцев хранить молчание. И, в любом случае, в нашем мире «древнее» – это не всегда значит «ценное»...

Как уже отмечалось, в нашей стране сохранили свою непрерывность и императорская династия, и национальное устройство *кокутай*, чему не было примеров в иных государствах мира. Считается, что это делает Японию единственной и уникальной в своем роде страной, в которой на протяжении всей истории правители и *кокутай* шли рука об

---

³ Согласно индийским легендам, название этой книги связано с тем, что она была получена как откровение Ману, сыном бога творения Брахмы. В 1794 году по западному летоисчислению это произведение было переведено на английский язык англичанином Джонсом. Главное содержание книги составляют рассказы о времени всевластного правления богов. Когда же дело доходит до изложения моральной стороны излагаемого учения, то оказывается, что его требования являются исключительно строгими. Во многих случаях они схожи с положениями христианского учения, причем часто согласуются с ними не только по смыслу, но и буквально слово в слово. Так, например, в «Законах Ману» говорится, что нельзя ранить людей взглядом, нельзя жаловаться и роптать, нельзя наносить людям вред ни деяниями, ни мыслями, нельзя их поносить и ругать, а если тебя поносят и ругают, то нужно быть снисходительным и прощать, не отвечать на гнев и ярость гневом и яростью и т.п. Примерно о том же говорится в христианской Псалтыри. Так, в Псалтыри сказано: «Глупец говорит в сердце своем: «Нет Бога». Ману же говорит: «Злодей в душе думает, что никто не видит его злодеяний, но Бог ясно видит в сердце его и знает все о его черных помыслах». Существуют в этих двух книгах и другие параллели (см. сокращенный перевод, выполненный господином Брандом). – Прим. автора.

руку. Это, безусловно, так, Япония – страна с уникальным государственным устройством. Но одно дело - всеми силами сохранять эту уникальность для того, чтобы отступить назад, а совсем иное – использовать ее для движения вперед. В определенных случаях правильное использование этой особенности может принести нам огромную пользу. Иными словами, мы должны почитать и хранить нашу монархию не потому, что такое почитание издревле присуще жителям Японии, а потому, что лишь поддерживая это уважение, мы сможем сохранить наш суверенитет и продвинуть вперед нашу цивилизацию...

Наверное, если бы в искусстве строить дома, доставшимся нам от далеких предков, мы ценили лишь внешние формы, то делали бы эти дома из красивой бумаги. Но мы оцениваем дом по тому, насколько хорошо он укрывает нас от дождя и сырости, а потом уже смотрим на его форму. Равным образом, каждый предмет ценен не сам по себе, а тем, что с его помощью можно сделать.

Наша национальная сущность и неотрывное от нее монархическое правление не во всем соответствуют новой цивилизации. Но причины этого несоответствия не являются фундаментальными; скорее, они кроются в нашей долголетней слепой приверженности к некоей внешней мишуре, покрывавшей этот союз. Если же избавиться от этой мишуры и обратиться к подлинному содержанию понятий, то окажется, что по сути дела для приобщения к современной цивилизации нам достаточно реформировать одну только систему управления страной, не затрагивая взаимоотношений в фундаментальном треугольнике «национальное устройство» (*кокутай*) - «легитимность» - «система наследования».

Для пояснения хочу обратиться к примеру России. Что было бы, если бы эта страна, начиная сегодня реформу своей системы управления, принялась бы во всем подражать либеральной Англии? Отвечаю: она не только бы не преуспела в этих реформах, но и нанесла этой попыткой огромный ущерб самой себе. Почему? Да по той причине, что Россия и Англия находятся на разных ступенях развития цивилизации, а их народы имеют разные степени сознательности. А правительство современной России в точности соответствует тому уровню цивилизации, который имеет страна сегодня. Безусловно, Россия не должна вечно сохранять мишуру древности, не должна пренебрегать достижениями цивилизации, не должна всегда следовать за своим правительством в его консерватизме. Но, с другой стороны, Россия должна тщательно оценивать степень своей просвещенности и делать каждый новый шаг на пути к цивилизации только в том случае, если и ее правительство делает шаг в том же направлении - иными словами, они должны идти в ногу. Более подробно я рассмотрю этот вопрос в конце следующей главы, куда и отсылаю читателя.⁴

---

⁴ В данной работе я на равных пользуюсь терминами «Запад» и «Европа». Несмотря на то, что Европа и Америка разделены географически, американская цивилизация выросла из европейской, и потому я полагаю возможным использовать для них обеих термин «Европейская цивилизация» или равнозначный ему «Западная цивилизация». - *Прим. автора.*

ⁱ Каэй – период с 1848 по 1854 гг. – *Прим. переводчика.*

ⁱⁱ Даймё – крупный феодал, феодальный князь. – *Прим. переводчика.*

ⁱⁱⁱ Чэн Тан (ок. 1700 – ок. 1600 гг. до н.э.) и У-ван (1134-1120 гг. до н.э.) – легендарные правители древнекитайских царств. По преданию, изложенному в произведении древнекитайского философа Мэн-цзы (372-289 гг. до н.э.), Чэн Тан объединил владетельных князей против произвола, чинимого Цзе, последним правителем династии Ся, а У-ди после девяти лет подготовки освободил своих сородичей от гнета Чжоу-синя, последнего правителя династии Инь-Шан. – *Прим. переводчика.*

^{iv} Традиционное японское блюдо из вареного риса с зеленым чаем. – *Прим. переводчика.*

^v Эдо - до 1868 г. название Токио. – *Прим. переводчика.*

^{vi} Старое название айнов и других народов, обитавших на северо-востоке главного японского острова Хонсю и других островах, примыкавших с севера к основной территории средневековой Японии. – *Прим. переводчика.*

^{vii} Хэйан – букв. «мир и покой» - период в японской истории с 794 по 1185 гг., в переносном смысле – «золотой век», время высшего расцвета культуры. – *Прим. переводчика.*

^{viii} Чжоу – название эпохи в истории Древнего Китая и китайской императорской династии 1027 – 256 (по другим данным, 249) гг. до н.э. Эпоха Чжоу ознаменовалась подъемом китайской культуры, появлением философских школ конфуцианства и даосизма. – *Прим. переводчика.*

^{ix} Цинь Шихуанди (259-210 гг. до н.э.), правитель (226-221) царства Цинь, император (с 221) Китая. Создал единую централизованную империю Цинь (221-207). По его указу было сожжено большое число произведений гуманитарной литературы и казнены 460 ученых. – *Прим. переводчика.*

^x Неявно цитируется начало 16-й главы книги Джон Стюарта Милля «Представительное правительство» (Representative Government). У Милля написано буквально следующее: A portion of mankind may be said to constitute a Nationality if they are united among themselves by common sympathies which do not exist between them and any others — which make them co-operate with each other more willingly than with other people, desire to be under the same government, and desire that it should be government by themselves or a portion of themselves exclusively. (John Stuart Mill. Representative Government. Chapter 16. Of Nationality, as connected with Representative Government). – *Прим. переводчика.*

^{xi} Сун – императорская династия в Китае (960-1279). Пала в результате монгольского завоевания. – *Прим. переводчика.*

^{xii} Юань - императорская династия в Монголии (1271-1368) и Китае (1279-1368). Основана монгольским ханом Хубилаем, который завершил завоевание Китая в 1279 году. – *Прим. переводчика.*

^{xiii} Мин – китайская императорская династия (1368-1644). Основана Чжу Юаньчжаном в результате свержения монгольской династии Юань. Свергнута крестьянскими повстанцами под руководством Ли Цзычэна. – *Прим. переводчика.*

^{xiv} Указанное автором японское слово *сэйто* пишется двумя иероглифами, каждый из которых имеет несколько значений: *сэй* значит «управлять», «управлять государством», «политический»; *то* - «управлять», «контролировать», «объединять», «обобщать». В японском языке существует и другое слово *сэйто*, означающее «законность». Оно также пишется двумя иероглифами, означающими, соответственно, «правильный» и «правление». – *Прим. переводчика.*

^{xv} Вильгельм III Оранский (1650-1702) – штатгальтер (правитель) Нидерландов с 1674 г., английский король с 1689 г. Призван на английский престол в ходе переворота 1688-1689 гг. (так называемой «Славной революции»), до 1694 года правил совместно с женой Марией II Стюарт. – *Прим. переводчика.*

^{xvi} Каролинги – королевская (с 751) и императорская (с 800) династия во Франкском государстве. Название «Каролинги» дано по имени Карла Великого. – *Прим. переводчика.*

^{xvii} Фудзивара – могущественный семейный клан, фактически управлявший Японией в IX-XII веках. Только представители этого клана могли становиться регентами при императорах. После

установления в конце XII века семейством Минамото системы военного правления – сёгуната – реальная власть также достаточно быстро перешла от Минамото к клану Ходзё, представители которого занимали посты регентов при сёгунах (*сиккэн*). Представители провинциального рода Ходзё оставались главной правящей силой в стране вплоть до самого падения Камакурского сёгуната в 1333 году. – *Прим. переводчика.*

^{xviii} Кэйо - девиз правления в 1865-1867 гг. – *Прим. переводчика.*

^{xix} «История сёгуната» (яп. «Нихон гайси»), название также переводится как «Неофициальная история Японии» - историческое сочинение в 22 томах (свитках) японского автора Рай Санъё. В книге, законченной в 1827 г., излагалась история Японии со времен Камакурского сёгуната (XII в.) до правления сёгунов из дома Токугава (начало XVII в). В сочинении проводилась идея о незаконности власти сёгунов, поэтому оно стало одной из идейных опор антисёгунского движения. См. Мендрин В.М. История сёгуната в Японии: Нихон гайси – В 2-х тт. / Пер. с яп. – М.; Спб.: Рос. Гос. б-ка: Летний сад. 1999. – *Прим. переводчика.*

^{xx} Время в истории Японии с 1336 по 1392 годы носит название «Намбокутё дзидай» - «период южного и северного императорских дворов». Раскол императорского дома на два соперничавших лагеря сопровождался почти непрерывными кровопролитными войнами. – *Прим. переводчика.*

^{xxi} Асикага Такаудзи (1305-1358) – военный и политический деятель, одна из самых противоречивых фигур японской истории. В 1332 г. свергнутый император Годайго, представлявший так называемую Северную ветвь расколовшейся надвое императорской династии, предпринял попытку избавиться от тогдашних военных правителей и вернуть власть императорскому дому. Для подавления выступления Годайго в 1333 г. по приказу военного правительства военачальник Асикага Такаудзи вошел со своими войсками в столицу страны Киото, однако, вместо того чтобы биться с мятежниками, перешел на сторону Годайго. Благодаря этому в том же году Годайго сбросил с трона представителя Южной ветви императорской династии и сам занял его место. Однако уже в 1336 г. Асикага, воспользовавшись провалами экономической политики Годайго, изменил последнему, снова занял Киото и посадил на императорский престол другого представителя той же Северной ветви династии. В 1336 г. Асикага объявил о возобновлении военного управления страной, а в 1338 г. объявил себя верховным военным правителем страны – сёгуном, основав, таким образом, наследственный сёгунат Муромати, который просуществовал до 1573 г. – *Прим. переводчика.*

^{xxii} Кусуноки Масасигэ (?-1336) – военный деятель. В период противоборства Северной и Южной императорских династий поддерживал императора Годайго, когда Годайго был захвачен в плен войсками тогдашнего военного правительства и сослан на остров Оки, Кусуноки возглавил войска его сторонников, после возвращения Годайго на трон был назначен военным правителем провинций Кавати и Идзуми (ныне часть префектуры Осака). Погиб в 1336 году у реки Минатогава в сражении с Асикага Такаудзи, изменившим Годайго. – *Прим. переводчика.*

^{xxiii} Камакура – период с 1192 по 1333 годы, время правления сёгунов Минамото. – *Прим. переводчика.*

^{xxiv} Ян (яп. ё) и инь (яп. ин) – светлое и темное начала, два основных понятия традиционной китайской философии; пять элементов – вода, огонь, дерево, металл, земля – согласно традиционным воззрениям, первоэлементы всего сущего. *Прим. переводчика.*

^{xxv} Период «воюющих провинций» (яп. *сэнгоку дзидай*) – время всеобщей смуты и гражданских войн, продолжавшееся в Японии с 1467 по 1568 гг. – *Прим. переводчика.*

^{xxvi} Намек на предание о древнем китайском императоре Чэн Тане (ок. 1700 – ок. 1600 до н. э), основателе династии Инь-Шан. Вскоре после воцарения Чэн Тана страну постигла великая засуха, которая продолжалась семь лет. Астрологи уверяли, что только человеческая жертва может избавить страну от этого бедствия. Тогда Чэн Тан заявил, что готов принести себя в жертву для блага народа. В качестве жертвы он срезал клочок волос с головы и остриг ногти, после чего дал обет во всем быть угодным народу. Легенды передают, что не успел он произнести последние слова клятвы, как полил дождь к великой радости всех людей. См.: Мэн-цзы. Предисл. Л.Н. Меньшикова. Пер. с китайского В.С. Колоколова. Спб., «Петербургское востоковедение», 1999, с. 239. – *Прим. переводчика.*

---

^{xxvii} Пять основных злаков: рис, просо, чумиза, бобы и пшеница. – *Прим. переводчика.*

^{xxviii} Скрытая цитата из книги Генри Томаса Бокля «История цивилизаций»: «Но самый значительный пример представляет одно лицо, игравшее весьма важную роль в индийской истории: оно было в то же время царем и святым. Этот знаменитый муж жил во времена чистоты нравов и добродетели; и действительно, был он долголетен на земле; при воцарении ему было два миллиона лет; затем он царствовал 6 300 000 лет, по прошествии которых отказался от престола и прожил еще 100 000 лет». Цит. по: Генри Томас Бокль. История цивилизаций. История цивилизации в Англии. Т. 1. – М.: Мысль, 2000, с. 80. – *Прим. переводчика.*

^{xxix} По традиционным китайским воззрениям сон на высоких подушках особенно приятен и глубок. – *Прим. переводчика.*